

Мышь смотрела на человека через решётку спокойным немигающим взглядом. Это было неправильно, ведь не она, а именно он, человек, – сотрудник лаборатории. Ему скоро докторскую писать, между прочим. И вообще, человек – венец творения, у него медаль, связи и пять тысяч подписчиков в твиттере. Но этой мыши, похоже, было всё равно. Её глазки, две блестящие ягодки, изучали человека безмятежно и даже как-то насмешливо. Нагло. Вот оно!

– Что ты есть, мышe, яко нагльства исполнилась еси? – требовательно спросил крещёный научный сотрудник.

Наглый грызун, с электродами в голове, поднял лапку и не спеша положил на кнопку удовольствия, продолжая молча смотреть прямо в глаза.

«Издевается», – догадался человек.

– Издеваюсь, – сказала мышь.

– А по какому праву? – возмутился учёный.

– Потому что могу, глупенький, – пояснила она.

– Я – человек. А ты – мышь! – выдохнул человек в белом халате.

– Делаешь очевидные успехи, – заметила мышь.

Нельзя позволять подопытному зверьку взять верх. Пора поставить его на место.

– Это всё следствие фрустрации, – заявила мышь и нажала на кнопку.

Электроды, вживлённые в её мозг, подали слабый импульс прямо в центр удовольствия, отчего мышь села и заскребла лапкой.

– Боже, хорошо-то как! – выдохнула она вскорe.

Учёный смотрел с отвращением: что за жизнь – сидишь в неволе, жмёшь на кнопку. Тыфу!

– О чём ты, презренный зверь? Какая ещё фрустрация?

– Начальник твой, завлаб. Он же глуп. Купил диссертацию, ворует бюджетные средства, тебя третирует. А ты кланяешься ему, хоть и ненавидишь. Давно бы уже ему горло перегрыз и закрыл гештальт.

– В тюрьму неохота, – проворчал человек.

– Мы с тобой оба в тюрьме, – сказала мышь. – Я – в клетке, у тебя – ипотека, автокредит и Роскомнадзор. Я тут против воли, а ты энтузиаст. Вот только, чтобы получить хоть какое-то удовольствие в жизни, тебе приходится терпеть идиота завлаба. Получив свои несчастные

двадцать пять тысяч, выкраиваешь на пачку сигарет и чекушку дешёвого коньяка. А я жму на эту кнопку бесплатно, и мне хорошо.

– Вообще-то, о мышь, от удовольствия ты забываешь есть, и тебе грозит скорая смерть от истощения.

– А тебе, человек, как будто от переедания. Я умру счастливой мышью, а ты так и будешь несчастен, ведь тебе не хватит духу выбраться из своей клетки.

– Грызть глотки не выход. Это не по-людски, – пробурчал научный сотрудник.

– Зато лишит мышь свободы, искалечит её – вполне себе по-людски, – сверкнула гневным взглядом мышь.

Учёный отвёл взгляд и отошёл от клетки. Около получаса он мерил шагами лабораторию – макет своей собственной клетки. Затем закурил в вытяжку, размышляя о гештальтах и мышах.

* * *

Один бобр по прозвищу Бобёр решил постигнуть искусство любви к ближним. О жабах говорили, что они мерзкие на вид, но сам Бобёр откашивался в это верить и представлял их розовыми и пушистыми, с прекрасным голосом. Также его уверяли, что жабыя кожа выделяет яд, но Бобёр мечтал встретить жабу и поцеловать её, чтобы всем доказать, что всё это нетолерантный вздор и бездуховные сплетни.

Однажды, когда Бобёр предавался благообразным мечтам, сзади неожиданно раздалось зловещее урчание. Казалось, сама преисподняя изрыгнула этот звук. Подскочив на месте, он развернулся прямо в воздухе, чтобы увидеть воочию посланницу ада, не иначе.

– Глокая куздра! – в сердцах вскричал благодетивый Бобёр. – Раскудрить ерыгу! – добавил он, обнаружив себя сидящим на ветке ивы.

Как вы понимаете, это и была жаба.

Около недели ушло на уговоры самого себя, что внешность обманлива и что все кругом ошибаются насчёт ядовитости этих несчастных земноводных.

Наконец Бобёр решился.

Без лишних слов он быстро подошёл к жабе и поцеловал её.

Придя в себя через пару часов, Бобёр ощущал себя так, как будто на нём ездил медведь. Сам медведь всё отрицал и уверял Бобра, что он ещё счастливо отделался, кивая на бэд-трип Ивана-царевича.

И с той поры Бобёр старается как минимум учитывать чужой опыт.

* * *

Один человек залил зелёной все богохульные выставки, чем вызвал пристальное внимание антихриста. Но человек догадался сжечь свой новый паспорт, и антихрист его не смог обнаружить, чтобы поймать и наказать.

* * *

Раб Божий Акакий бесил всех женщин, с которыми жил. Спустя год после последнего расставания он заскучал от одиночества и принял решение нести подвиг юродства. Не на работе, конечно, а в храме. Вернее, в женском монастыре. Сперва Акакий хотел симулировать матерщинную форму синдрома Туретта, но побоялся быть изгнанным на паперть. Решение подменять обценную лексику эвфемизмами пришло как-то само собой. Он подкрадывался во время службы к монахиням помоложе и выкрикивал подозрительные слова. Монахини краснели и усиленно молились за несчастного. Духовенство морщилось, но связываться с болящим не желало. А игуменья Акулина не могла определиться, что выбрать: благочиние на службах или возросшую популярность монастыря в связи с собственным юродивым.

16

Так продолжалось до тех пор, пока в обитель не прибыл отбывать месячное наказание некий протопоп по прозвищу отец Пью. В этот раз наказан он был за то, что по синьке подрался со своим настоятелем. Заступив в череду, он сейчас совершал каждение на «Господи воззвах», задыхаясь от дешёвого ладана сорта «Смерть попам».

Акакий подкрался к нему сзади и выкрикнул:

– Гордец птахой, глядь!

Отец Пью замер, не веря своим ушам, и медленно повернулся к юродствующему, попутно бросив взгляд на умилённых прихожан и монахинь. Оценив нездоровье обстановки, отец Пью вопросительно хмыкнул.

Акакий привстал на цыпочки, заискивающе глянул в опухшее лицо священника, хлопнул руками по бёдрам и торжественно провозгласил:

– Клёпанный крот, щука!

Отец Пью переложил кадило в левую руку, взял Акакия за грудки и сурово сказал:

– Ты чё ... совсем?..

Раздался глухой звук падения монашеского тела. Акакий судорожно вдохнул и мелко-мелко заморгал.

– Какая ещё щука? Я, ... , тебе покажу щуку, ... ! Ещё раз услышу, ... кадиллом! – убедительно добавил отец Пью.

После этих слов ещё две монахини потеряли сознание. Протопопу продлили наказание ещё на две недели, зато Акакий с того дня перестал юродствовать.

* * *

Один человек пытался втиснуть невместимое в свои карманы, одновременно испытывая чувство собственной важности и страх попасть на Колыму. Но прокурор звал его только на Кондому. Порыбачить. А что было дальше, неизвестно.

* * *

Отец Пью, выйдя на проповедь, сказал: «Господь являет чудо богатого улова апостолам. А их лодки чуть было не утонули от количества рыбы. И ведь это апостолы, а не кто попало.

Пойду ли просить у царя золота с ветхим мешком?

Порвётся, точно порвётся по дороге домой. Просыплется богатство на радость бродягам. Приду домой – и вот, нечего показать жене.

Тогда вымолю должность себе поважнее. Даст царь и это, не оскудевает щедрость его. Вот только навыки мои рыбацкие. Казну считать не обучен, нервы нежные, в дворцовых интригах не закалены, не готов я, нет. Раскусят меня, обведут вокруг пальца, должности лишат, а то и жизни.

Чего бы ни просил я себе у Царя царей, всё потребует подготовки и совершенствования. Не потому ли порой Он как будто не слышит некоторых моих просьб? Знает, что утонет ветхая лодка моя вместе со мной?

Пойду сошью себе новый мешок, покрепче старого. Мышцы тоже неплохо было бы подкачать. Золото – металл вовсе не из лёгких. Многие надорвались. Аминь».

Прихожане покачали головами и сказали: «Видимо, лишнего вчера употребил батюшка».

А игуменья Акулина обрадовалась и пошла менять сейф с деньгами на новый – покрепче.

* * *

Одна рыба начала стесняться своего происхождения и окружения, поэтому она залезла на дерево, где и сидела среди белок, пока не засохла.

* * *

Один ученик спросил учителя:

– Мой сосед утверждает, что спит с чужими жёнами и чувствует себя прекрасно. Почему так?

Другой ученик возразил ему:

– Я вот вообще не сплю ни с кем и тоже прекрасно себя чувствую.

Тут вмешался третий ученик и сказал:

– Я читал про человека, который спал только со своими женами. Кажется, он тоже чувствовал себя прекрасно.

Учитель на это ответил:

– Что тут скажешь? Человеку свойственно чувство прекрасного.

И все подивились мудрости учителя.

* * *

С утра в алтаре происходила какая-то сумятица. Из благочиния прислали высочайший циркуляр и стопку бумаг. Запыхавшийся настоятель объявил, что всем должно подписать петицию. Дьякон метнулся устанавливать на амвоне складной аналой с высочайшим текстом. Мальчишки-пономари отправились к старосте за пластиковым тазиком с шоколадками – раздавать прихожанам за подписание. Отцу Пью думалось, что это – излишняя трата, поскольку было понятно, что и так подпишут.

Приоткрыв дверь дьяконских врат, он впустил в святая святых ручейки речей:

– Батюшку-то нашего златоуста сатаной называл!

– Это которого по «Спасу» показывают?

– Его, родненького.

– Как не стыдно?!

– И отца Мизогиния, и отца Логорея – в хвост и в гриву пропесочил ни за что.

Через пять минут протопоп был в курсе всех тревожностей. Матушке Акулине был вменён в вину её собственный портрет, вывешенный в монастырской трапезной в ряду преподобных отцов. Депутату Клептоманову было отказано в приходе на званный ужин. Владыка Мизантропий получил выволочку за то, что в гневе пробил своему протодьякону ногу посохом. Ну не убил же. Досталось по большому счёту всем уважаемым людям.

Вскоре настоятель вышел на амвон и зачитал текст петиции, которую всякий, кому небезразлична судьба Отечества и Церкви, обязан был подписать. По всему выходило, что Христос должен был быть распят. После настоятеля слово взял казачий атаман Дисфориев, особенно возмущённый отказом Христа благословить бить Его собственных врагов.

Пошли подписывать. Десятилетний пономарь Феофил было пискнул, что он не хочет

участвовать в распятии Христа, но старший иподьякон Копропракс жестами показал, что, по его мнению, нужно делать с непослушными маргиналами. Феофилу сделалось дурно, и его тут же увела домой испуганная бабушка, пригрозившая расцарапать всем хари. Связываться с ней никто не стал, понятное дело.

Пошёл подписывать и отец Пью. А как иначе, ведь лишиться креста совсем не хотелось. Кто он без креста? Никто. Авторучка почему-то не писала. Покрывшись испариной, протопоп разобрал её и под пристальным взглядом общественности начал дуть в стержень. Дул он настолько прилежно, что потерял сознание, а когда пришёл в себя, обнаружил, что лежит в собственной постели и пытается нашарить будильник.

Сон, стало быть. Вытерев пот со лба, отец Пью сказал:

– Господи, слава Тебе, что Ты пришёл к евреям две тысячи лет назад, а то срам-то какой был бы!

* * *

Один человек был очень воцерковленным, но и грехи имел не то чтобы совсем постыдные, а такие, что могли бы заинтересовать Следственный комитет.

«Каяться не вариант», – решил человек. А поскольку индульгенций, как известно, в Православной Церкви нет, то решил он постричься в Великую Схиму. Перед самой смертью чтоб, а не то, что вы подумали. Знакомым игуменам и архимандритам было уплачено заранее, по набору юного схимника лежало дома, на даче, у любовницы, в коттедже на Кипре, в московской квартире, в офисе и даже в бардачках автомобилей.

Однако прихватило его в самолёте.

Тем не менее знакомый архимандрит приехал прямо к трапу самолёта со своим набором. А ножницы забыл. Не оказалось ножниц и у экипажа. Послали за ними в магазин, а неудавшийся схимник возьми да и умри скоропостижно. Ну и безвременно, как водится.

И последней его мыслью было: «С собой надо всегда иметь ножницы-то».

* * *

Однажды в результате политических процессов к власти в лесу пришёл Павиан. Правил он мудро и осмотрительно.

Как-то раз померкло солнце. Павиану доложили, что его проглотил Крокодил. Правитель хотел было запретить Крокодила, но задумался. Крокодил был неуступчив, а зубы его весьма остры. Так и до лесных волнений недалеко.

Рассудив, что спокойствие и стабильность зверям нужнее, Павиан запретил солнце. А звери подивились силе верховных указов, которые действовали не только на земле, но и на небе.

* * *

Один человек боялся быть оплётанным. Однажды его всё-таки оплевали, и он перестал бояться. Другой человек тоже боялся быть оплётанным, но его задавила насмерть пожилая тётка. А потом задавила и первого оплётанного. Третий тоже боялся быть оплётанным, поэтому сам оплёвывал кого мог. Он же за деньги отмазал тётку, чтобы загладить наплётанное. Четвёртый плевался исключительно в небо, поэтому был оплётан самим собой. Ещё один человек тоже боялся быть оплётанным, но на него было всем наплевать.

* * *

Однажды бесы, неудовольствовавшись условиями труда, сговорились не выйти на работу. Что-то вроде забастовки. Глядь, а показатели греха среди людского населения планеты не падают. Даже чуть выше стали по некоторым пунктам. Смекнули бесы, что дело швах, и немедленно приступили к должностным обязанностям. Пока сатана не прочухал.

* * *

Один мужик каждое воскресенье влезал на дерево и садился на сук, который принимался пилить. Сук был толстый, а пила хлипкая, так что получалось не очень.

А сосед всякий раз пытался объяснить ему, что так делать нельзя. Мужик кивал, улыбался, но в следующее воскресенье снова пилил. Спустя пару лет уговоров сосед исчерпал все аргументы и теперь лишь с ненавистью смотрел на пилильщика сквозь окно веранды. Иногда он принимался выразительно стучать себе кулаком по голове и бегать по своему участку.

А однажды сосед не выдержал, с истошным криком кинулся на мужика и убил его. После чего вызвал полицию и сдался ей. Друзья неоднократно пытались тайным образом передать ему в тюрьму ножовку по металлу, чтобы он перепилил решётку и сбежал, но без толку: арестант яростно ломал полотно на мелкие части.

А что до дерева, так оно в целости простояло ещё лет триста.

* * *

Отец Пью приехал в гости к старому товарищу и нашёл его опечаленным. Руководитель миссионерского отдела епархии справедливо

требовал с него кипучей антисектантской миссии. Только где ж ей взяться в небольшом городке, где даже собакам скучно?

Выяснив фронт работ, отец Пью сказал: «Я щас». После чего направился в парикмахерскую и сбрил свою эспаньолку. Там же узнал, где находится самый шикарный местный ресторан.

Меню не включало в себя трюфели, чёрные арбузы и Шато Лафит, впрочем, отца Пью это не смутило. Заказав самые дорогие блюда, он запил всё чёрным ромом. Затем потребовал счёт, но вместо денег положил в кожаный чекбук мормонский флаер, приглашающий к дискуссиям на английском языке.

Встал во весь рост, размял спину и швырнул тяжёлый стул в панорамное окно.

– Свят пророк Мормон! – взревел бритый ба-
тюшка, потрясая кулаком.

– За Урим и Туммим! – восклицал отец Пью, переворачивая стол. – Мормоны – сила, ресторан – могила!

– Покайтесь, язычники! – крикнул он напоследок и выскочил через окно на улицу.

Вечером этого же дня к зданию церкви Мормонов подъехали два внедорожника с тонированными круговую стёклами. Восемь энергичных парней убедили духовных руководителей в необходимости их срочного переезда в какой-нибудь другой город.

А утром на электронную почту главного миссионера епархии пришёл рапорт о том, что в результате комплекса мер сектантских организаций стало меньше.

– А борода отрастёт, – успокаивал товарища отец Пью.

* * *

Шестнадцать аристократичных белок задумали устроить тайное оппозиционное общество. Сказано – сделано. Назвались одиозным клубом.

– Почему одиозный? – спросила белка-поэтесса.

– Ма шерИ, – сказала другая белка, – но это же абсолютно очевидно с точки зрения математики.

Никто ничего не понял, но все согласились. Собирались втайне от всех, соблюдая тщательную конспирацию. Тем не менее Павиан узнал о том от птиц. Выяснив, что главным занятием белок было курить сигары и играть в шахматы, царь зверей успокоился, но наружное наблюдение с неблагонадёжных аристократок не снял.

Один верный Христов ученик боялся, что придёт антихрист и завладеет его душой. Он понимал, что сжигание паспорта и шарахание от ИНН не решит проблемы, поэтому продал свою квартиру и выкопал себе знатный бункер в тайге. Не сам, конечно. Пришлось нанять престарелых квалифицированных рабочих, страдающих склерозом, чтобы ни одна живая душа не знала, где он будет прятаться.

Бункер вышел таким, что позавидовал бы сам Гитлер. Человек запаса консервами и залёг на дно.

Когда пришёл антихрист, то этого-то человека он найти и не смог. Антихристы, как известно, народ глуповатый. Интернетом пользоваться умеют, кодингом, там, хакингем всяким, фишингом ещё куда ни шло, а вот поиск бункеров не их конёк всё же. Раздосадованный антихрист вскоре был упразднён Христом в своё время. Потом случился Страшный Суд. Овцы были отделены от козлищ и унаследовали Царство Истины.

А когда закончились припасы, дядька вышел на поверхность, но никого там не нашёл.

* * *

В одну обитель поступил бывалый послушник. Его маршрут хождения по монастырям прерывал все миссионерские путешествия апостола Павла. Поэтому послушник доподлинно знал, где монашеский устав такой же, но с перламутровыми пуговицами. О том, как всё прекрасно устроено в иных обителях, он непрестанно рассказывал настоятелю и братии.

По всему выходило, что все настоящие монахи собрались в каких-то других монастырях, а тут остались сплошь подонки общества.

– От них же первый есмь аз, – с Арамисовым выражением лица добавлял тот послушник.

В конце концов монахи напоили послушника хорошим коньяком, выслушав упрёки, что он-де пахнет клопами. А когда тот уснул, отнесли его к речке, уложили в лодку и хотели уже оттолкнуть от берега, как вдруг услышали сзади властное покашливание.

То был отец Тигрий, настоятель.

– Что творите, ироды? – сурово спросил он.

Братья потупили взоры и засопели.

– Вы христиане или где? – продолжил игумен. – Да за него на Голгофе кровь лилась! Думаешь, твоя?

Монах, к которому был обращён последний вопрос, помотал головой.

– Или, может быть, твоя? Нет? – заглянул настоятель в глаза другого брата.

Тот вместо ответа бухнулся в ноги игумену.

– Человек покидает нашу чёртову обитель навсегда, а вы ему еды в дорогу не собрали? Позорище!

Двое монахов со всех ног бросились в трапезную и принесли всякой снеди. Разложили вокруг спящего послушника и вопросительно взглянули на настоятеля. Тот кивнул.

Лёгкий ветерок разглаживал прибрежный камыш, лунный луч скользил по воде далеко-далеко. Лодка, покачиваясь на белёсых волнах, медленно удалялась от берега, а отец Тигрий благословлял её вослед, утирая скупую мужскую слезу.

* * *

Услышав о Вифлеемском огне, ученики попросили о нём учителя. Тот долго молчал, притворяясь спящим, затем всё же открыл глаза и сказал:

– Не хотел говорить вам о том раньше времени, но есть особые элементы века сего: Вифлеемский огонь, Мёртвая вода и Акелдамская земля. Элемент же воздуха скрытым пока остаётся от человеческого ума, и его временно заменяет Иерихонская медь и Гергесинское сало. Только тсс!

И приложил палец к губам.

* * *

Радея о судьбах обитателей леса, одна из белок решила на манифест об искренности закона и о том, есть ли место истине во всеобщем многословии.

Просидев над листом бумаги пару часов, она приятным почерком вывела следующее: «У нас сверху – блеск, снизу – гниль».

Дальнейшее сидение ни к чему не привело, белка потеряла терпение и решила, что общая мысль, в принципе, ясна. После чего ночью, таясь, вывесила манифест на поляне.

С утра весь лес был на ушах. Пришёл и Павиан, которому доложили. Прочитал, одобрительно хмыкнул и приказал оформить листок в рамку и под стекло.

* * *

Снилось отцу Пью, что финские астрономы открыли инопланетян. Взволновались люди и созвали богословское вече. Как, мол, объяснить всё это? У некоторых оказались с собой целые диссертации о том, что инопланетяне не противостоят Библии. Другие заявили, что в свете новых

открытий им можно заниматься противостоительными грехами. Третья на всякий случай закопали себя в землю по пояс. Четвёртые сказали, что подождут окончательного решения начальства. Пятые облили зелёной тех, у кого были диссертации. Один дьякон заявил, что ему вообще пофиг. Ему не поверили. Звонили проверенным старцам, но не дозвонились. Хотели позвонить в патриархию, но постеснялись. Потом выяснилось, что открытие совершили не финские астрономы, а цыганские. Градус накала страстей тут же понизился до нуля, и все разошлись.

Отцу Пью сразу стало скучно одному, и он проснулся.

* * *

Один человек всё время нервничал и переживал о том, что о нём думают люди: родственники, коллеги, начальство, соседи и кондуктора трамваев. Люди же думали о нём всякое с заведомым непостоянством.

Ещё человек переживал по поводу сделанной им работы. А работа делалась чаще всего хорошо, но иногда не очень. Случалось, что и вовсе не делалась, когда он болел и оставался дома.

50

Также человек переживал за свою Родину: встанет ли она с колен, допустят ли её до Олимпийских игр, уважают ли её в ООН и не заселят ли её китайцы. А Родина ничего не знала о том, что за неё переживают, ведь она не личность, чтобы ей мыслить.

Стрессы, как известно, здоровья не улучшают, и человек, нервничая и переживая, сократил свои дни и умер измотанным и несчастным. Земля продолжала вращаться вокруг Солнца, границы государств менялись, цивилизации появлялись и исчезали, в общем, жизнь шла своим чередом.

А тому человеку за все его переживания так никто никакой награды и не дал.

* * *

Ученики вопрошали учителя:

– Почему православные соцсети пестрят борьбой с какой-то крысой? Что заставляет многих православных так яростно агитировать против китайского календаря, о котором мы узнали лишь второго дня, да и то случайно?

На это учитель сказал:

– Отстаньте от этих людей, ведь они уже победили свои страсти, преисполнились любви к Богу и ближним, бесы в страхе убежали от них, и теперь из всех врагов имеют лишь календарных

китайских зверей. А вот нам с вами ещё предстоит генеральная уборка в наших сердцах.

* * *

Одна сердобольная дама увидела, что её брат во Христе погибает от пагубной страсти пьянства, и решила его спасать. Во-первых, она в соцсетях призвала всех своих подписчиков к усердной молитве. Во-вторых, она стала приносить ему на работу соки и газировку, чтобы заменить алкоголь на нечто менее вредное. Ну, а в-третьих, дама вспомнила авторитетное выражение: «Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган» и решила положить свою душу взамен братской.

– А может быть, я и сопьюсь, – сказала она вслух, – зато спасу его. Возможно, он даже будет приставать ко мне, как это всегда бывает в состоянии алкогольного опьянения. Но лучше пусть пострадает моя честь, лишь бы избавить его от зелёного змия, – решила она и отправилась к погибающему в гости.

– Я не пью водку, – сказал гибнущий брат, увидев в руках дамы литровую бутылку.

– Как это? – поразилась спасительница.

– Ну вот так, – отвечал несчастный, – невкусная она.

– А что же вы тогда пьёте? – робко спросила дама.

– Исключительно кальвадос, – мечтательно протянул алкоголик.

– Так он же дорогой! – возмутилась христианка.

– Потому пью я его по большим праздникам. Причём на свои, – насупился пропойца. Затем покосился на водку в руках незваной гостьи и добавил: – Завязывать вам надо с этими делами.

И попытался закрыть дверь.

– И вы не пригласите меня войти? – в замешательстве спросила женщина.

– Видите ли, – смутился пьяница, – с водки всякий блуд начинается, а после блуда – выклёвывание мужских мозгов, а оно мне надо?

После чего раскланялся и выставил посетительницу вон.

От столь мощного когнитивного диссонанса дама отпила водки там же, в подъезде, продолжила дома, а назавтра уже пригласила подружек, чтобы обсудить, какими же всё-таки козлами могут быть некоторые.

* * *

Один рыбак спьяну продал Кемскую волость шведам. Ну продал и продал, с одной стороны.

Эка невидаль. Мало ли кто чего продаёт. Я вот, к примеру, и на трезвую голову готов любому уступить Ганимед по сходной цене. Да только волость та была собственностью Соловецкого монастыря. А если каждый начнёт монастырское имущество иностранным гражданам обещать, ничего хорошего не выйдет, нет. Поэтому рыбака того общим решением братии предали сатане.

Рыбак в себя приходил редко, и это грозило обернуться тем, что он так и не узнал бы о наказании. Тогда его показательно разобрали на вече. Но это тоже не очень тянуло на перевоспитание. В таком случае ничего другого не оставалось, как посадить его в острог. Что и сделали, собственно. Хорошо хоть, шведы в знак признательности ему туда передачи носили: гипокрас и водку Absolut. А будь он трезвым – хапнул бы горя.

* * *

Попав в очередной месячный запрет, отец Пью озадачился вопросом заработка, поскольку поповская зарплата ему пока не светила. Вспомнив слова женщин, которых бьют мужья, что последних оправдывает не то зависимость, не то ещё какой-то недуг, запрещённый пресвитер решил эту заразу лечить.

Разместил на нескольких приходах, где были знакомые настоятели, объявления. И вот поступил первый заказ.

Муж – баскетболист, жена – дюймовочка. Скула опухла, запястье забинтовано.

– Он не виноват, – сбивчиво объясняла жена. – Просто у его родителей так же было, вот он и впитал...

– Конечно, не виноват, – согласился отец Пью. – Случай классический. Ты пока на кухню сходи, отрежь кусочек сырого мяса, а я пойду соберу анамнез у больного.

– А зачем мясо? – поинтересовалась дюймовочка.

– Так надо, – таинственно ответил батюшка и прошёл в спальню.

– Ты кто такой? – изумился баскетболист.

– Дед Мороз я. Слышал я, что ты себя плохо вёл в этом году, потому без подарка пришёл. Но вот что имею, даю тебе!

И дал страждущему от духа драчливости хорошего православного леща.

Страждущий впал в культурный шок и, сам того не желая, подскочил с кровати, но, получив заушину, сел обратно и затих, потрясённо глядя на гостя.

– Смотри, чадо, если снова будешь плохо себя вести, я вернусь сюда с Сантой и его оленями.

В спальню заглянула дюймовочка с куском мяса в руке:

– Свинина подойдёт?

– Подойдёт, деточка, – ласково ответил отец Пью и погладил её по голове. – Как раз именно свинина тут и поможет. Сейчас вот наложу древнее заклинание, муж твой драться больше никогда не будет.

После чего воздел руки и хорошо поставленным голосом провозгласил:

– Крибле, крабле, бумс!

Неслышно прошептал над вырезкой: «Господи, помилуй и прости», бывший боксёр елейным тоном посоветовал мужу «приложить мяско к морде лица», взял с женщины плату и, уходя, сказал:

– Гарантия – два года, если что – звоните, приеду бесплатно.

За месяц запрета у отца Пью было ещё порядка двадцати подобных заказов и куча благодарных звонков от жён. Потому, когда архиерей ему снова разрешил служить, он даже несколько опечалился, поскольку боялся одновременно бить хари и служить литургию.

* * *

Один человек любил грузинское вино ещё с детства, заочно, прочитав повести Нодара Думбадзе. А также любил мчади, мцвади и, возможно, сациви, но это неточно. А потом политическая ситуация в мире изменилась и он разлюбил всё грузинское. Ещё он любил украинские песни и мультфильмы про казаков. Как вы поняли, их постигла участь чачи и чурчхелы. Панды и фильмы про кунг-фу подверглись остракизму за то, что китайцы хотели занять Сибирь.

Джинсы, правда, всё равно носил и пользовал на своей ЭВМ маздайскую ось.

Правда, ночами ему иногда снился Чоу Юньфат, ладно выводящий «Стелися, барвінку», и мастер Шифу, подливающий цоликаури троим запорожцам.

* * *

Однажды совершенно неожиданно прекратилось воровство, и Россия встала с колен. На радостях даже перестали пить.

Разбудили Салтыкова-Щедрина. Тот осмотрелся, покачал головой и сказал:

– Нет, братцы, это не Россия.

После чего полез обратно в гроб.

Один молодой священник был балагур. Не то чтобы он завидовал лаврам Петросяна и Мартиросяна, конечно. Просто он заботился о том, чтобы людям с ним было комфортно. Вот и подтрунивал непрестанно над своими подчинёнными и прихожанами незнатного происхождения.

Однако батюшка никогда не подшучивал над собой сам да и никому иному того не позволял, поелику меру знал и черты дозволенного не преступал. Окаянного смехотворства всячески избегал потому что.

* * *

Один поп имел дар рассуждения. Причём сразу во время хиротонии на него этот дар и сошёл. Не успел епископ дочитать молитву, как открылось попу знание Писаний и всего Предания. Ну, там ещё церковных дисциплин всяких, вроде литургии с догматикой.

Это было очень кстати, поскольку в семинарии приходилось в основном на различных послушаниях находиться и учиться было некогда. Неожиданно для себя ставленник поверил в Бога и во всё, что он в Библии не читал. Почувствовав своей головой, что руки архиерея болят из-за артрита, он исцелил их одним лишь «Господи, помилуй», а заодно почистил печень, нормализовал метаболизм и кровообращение в некоторых местах.

Отпив из Потира, поп увидел, что антидора на всех соборных прихожан не хватит, и чудесно умножил его. Предсказал ошибку хора на запричастном, что и сбылось спустя минуту. Когда преподавал своё первое иерейское благословение, укорил местную блаженную, что юродство её бесовское, а не от Бога. Обратился со словом благовестия к китайским туристам, что толпились у знаменитой раки. Причём на их родном языке. А настоятелю поведал, что нужно говорить не «горе имеем сердца», а «горе имеем сердца», поскольку в переводе с церковнославянского это слово означает «обратим».

Придя домой после службы, поп обнаружил, что у него выросла густая седая борода, а волосы сплелись в один большой подвижнический дред. Скоромного есть не хотелось совсем.

В супружеском общении матушке было мягко, но решительно отказано, а в доказательство правильности этого решения он на пару минут воспарил над линолеумом.

На исповеди он был одновременно строг и мягок, учил с амвона простым выспренным языком, работал с молодёжью, бездомными, заклю-

52

чѣнными, посещал больных, между службами беседовал с прихожанами и совершал все требоисправления, преподавал в семинарии и воскресной школе, ходил в детские сады и дома престарелых, переводил Богослужение на языки всех малых народов, массово крестил мокшан, тубаларов и кумандинцев, взаимодействовал с Вооружёнными силами, казаками, убедил всех зороастрийцев и чиновников чтить Закон Христов и родил десять детей.

А потом чудесный поп догадался, что его не существует, после чего незамедлительно растворился в эфире.

* * *

Один вспыльчивый водитель знал в совершенстве правила дорожного движения. И соблюдал. В отличие от многих других. В зависимости от разных факторов они условно делились на баранов, тупых дур и лиц нетрадиционной ориентации. Естественно, об этом они не догадывались.

Эти многие другие не пользовались указателями поворота, парковались в неположенных местах, ездили с выключенными фарами и двигались между полос.

Всё это так бесило, что герой повествования за рулём матерился и жестикулировал, как раздосадованный матрос, у которого украли сигнальные флажки. Нервная система, понятно, страдала, страдала, а потом вышла из строя, и её хозяин умер прямо за рулём.

А бараны, тупые дуры и лица нетрадиционной ориентации не нервничали и жили долго, хоть и не всегда счастливо.

* * *

Один мужик однажды перестал получать выплаты по супружескому долгу. Поразмыслив изрядно в течение месяца, он не нашёл причин и обратился к благоверной с вопросами.

Дражайшая же половина от прямого ответа уклонилась, сказав загадкой:

– А вот у баб своих спроси!

Баб у того мужика не было, поэтому пришлось ему потратить ещё пару месяцев, чтобы завести.

«Троих должно хватить», – решил мужик и стал расспрашивать их о причинах странного поведения своей жены.

Бабы хоть решить загадку и не сумели, зато на постоянной основе стали помогать с долгом, и мужик перестал забивать себе голову.

* * *

Игуменья Акулина учила у кафедры, что послушание превыше всего и что без оногo нет

спасения. А вновь сосланный в монастырь отец Пью прилюдно возразил, указывая на девятерых прокажѣнных, что исполнили послушание, продержав свой путь. Мол, самарянин, очистившись от проказы, нарушил послушание и вернулся благодарить Христа. И это нарушение послушания, дескать, и спасло его.

Возмутившись духом, матушка ночью, пока все монахи спали, проникла в алтарь и раскрыла на престольное Евангелие. К её досаде, всё выглядело, как и сказал поп-пьяница. Повинуясь внезапному озарению, мать игуменья выдрала злополучную страницу и удалилась в свою опочивальню в духе мирном.

* * *

Отцу Тигрию сообщили, что новоначальный монах странно себя ведѣт в собственной келье. Братья затруднялись в формулировках, но были явно смущены.

Не в правилах настоятеля было подслушивать, тем не менее он, встав у двери, напряг свой слух.

– Господи, слава Тебе за красоту фрактальной геометрии, за свечение азота и кислорода в полярном сиянии, за биолюминесценцию и пустынные миражи, за коронные разряды огней святого Эльма и пение колец Сатурна, за гейзеры и водопады, текущие вверх, за Глаз Сахары и Шоколадные холмы, за китов, пингинов и бессмертную медузу. Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего Александра Пушкина за его стихи, помяни и всех славных поэтов и писателей, что умягчили сотни тысяч сердец человеческих.

– И раба Твоего Гервасия Псальмова упокой, Христе Боже, – прошептал игумен, кандидат филологических наук, уже стоя на коленях под дверью кельи.

– Помяни, Господи, рабов Твоих Марка Нопфлера за его гитарное мастерство, боголюбивого Иоанна Златоуста Моцарта за его музыку вкупе с Бахом, Бетховеном и Вивальди...

Потихоньку встав с колен, отец настоятель перекрестился и на цыпочках удалился восвояси, задумавшись о тех вопросах, что нужно не забыть спросить у Бога при встрече.

* * *

Один человек решил завести змею. Для этого он совершил путешествие за тридевять земель, выбрал в серпентарии самую ядовитую и привѣз домой.

Отгреввшись на груди, змея начала кусаться и выжила человека из дома. Погоревав какое-то время, построил он себе новый дом.

А когда зажали укусы, этот человек завёл себе хорька и даже стал подумывать о пёстром варане, прочитав, что его яд вроде бы слаб и не особо опасен.

* * *

Один непростой человек возглавлял солидную компанию «Горпромснабзаготгриб» и благоволил Христу. Прочитав в церковной книжке о мытарствах, он завёл молескин, куда вносил сведения о своих грехах и добродетелях. Шифровал, конечно, чтоб посторонний глаз не соблазнился количеством его добрых дел, ибо оно преобладало над злыми.

Судите сами:

«1 убийство – 4 построенных храма,

2 измены – 38 паломнических поездок,

3 украденные тонны денег – 14 тыс. Иисусовых молитв».

И так далее. Приснилось солидному господину, что он умер, а черти его к Богу не пускают, мол, наш ты. Тот им под нос молескином тычет, а те копытами разводят, мол, у нас тут иной счёт грехам, а добродетелями мы и сами полны. Вон, гляди, котлы только до семидесяти градусов нагреты вместо ста, а на вилах зубцы затуплены во избежание проникающих ранений.

Стал глава солидной компании ангелам пенять на бездействие, а те руками разводят, мол, чертей тоже понять можно, а от Бога никаких указаний не поступало.

Проснулся господин в холодном поту и решил ещё построить монастырь. И жалованье положить монахам, чтоб вымаливали его от страж бесовских поусерднее.

* * *

Служил один неверующий поп. Родина о том и не догадывалась даже, поскольку, перефразируя Шевчука, ко всякой сволочи доверчива. Поп строил большой храм. Ну как строил? Один кирпич положит в кладку, три – в карман. В итоге получилась внушительная сумма, которой хватило на покупку заваленных всяким антиквариатом царских апартаментов близ Елоховского собора. Грянула проверка, и попу, откупившемуся малой кровью, пришлось уехать в другую епархию, где его поставили обычным штатным в женский монастырь.

Поп глядь да глядь, а игуменья тоже неверующая. Родственная душа, стало быть. Ан нет! Фи-

гушки. Невзлюбила матушка нового священника. Тот уж с ней и так и эдак – не может угодить, и всё тут. А та вошла во вкус и вовсе издеваться стала.

Поп уж тут терпеть не стал и задумал игуменью свести со свету. А поскольку сотни часов провёл за сериалами вроде «Игры престолов» и «Декстера», то не стал пороть горячку, а раздобыл ядовитого тропического змея и подбросил его в игуменские покои. Змей укусил игуменью Акулину да и... сдох, отравившись.

А бесы, глядя на это, приняли решение, что стоит сериалы те продлить ещё на несколько сезонов, ибо польза от них изрядна весьма.

* * *

Один завсегдатай харчевни «Сосновый брод» перестал ходить в церковь в знак протеста. Дело было в том, что в харчевню частенько заглядывал один священник. Заказывал пиво, жареных креветок и кальян. Вёл себя возмутительно: чавкал, пускал дым колечками, а когда крикал, то приговаривал:

– Вот это благодать!

И приглаживал окладистую бороду.

Однажды, решив проучить злочестивца, завсегдатай подошёл к тому попу и сложил руки лодочкой, пытаясь взять благословение. Тот, взглянув участливо, положил ему в ладони сторублёвку.

Оказалось, бородач был айтишником. Но осадочек от всей этой истории был настолько велик, что в церковь наш герой уже не вернулся.

* * *

Один дядька любил, чтобы всё было на своём месте. Мужики чтоб служили, бабы – рожали, попы – благословляли, господа – правили, воры – рассуждали, земля – кротам, небо – орлам.

А чтобы было так, а не иначе, приходилось всех ставить на место. Кого мягко, а кого и жёстко. Понемногу вокруг дядьки порядок восстанавливался, а вот друзья куда-то подевались. Правду, видать, не любили.

* * *

Один поп решил всюду ходить в подряснике, поскольку в этом истинная тайна благочестия. Согласно задумке, это была молчаливая проповедь. Вот, мол, Церковь тут, среди народа, а не в царских палатах.

Вот только не учёл народный батюшка, что в подряснике нужно ходить с опаской. Стали люди роптать, что попы совсем обнаглели: то возле табачного ларька отираются, то у пивнушки да и возле стриптиз-клубов с ресторанами не раз бы-

ли замечены. Постепенно число мест, мимо которых ходить попу никак не можно, возросло.

Стал благочестивый поп составлять свой маршрут, глядя на карту города. Но тут – кино-театр, там – кальянная, а где-то – спа и бильярдная. Во дворах – закладки, в подъездах – самогоном торгуют, в переходах – проститутки стоят. А ведь ещё в руках ничего нельзя было нести. Любому встречному там мерещилась водка, журнал «Плейбой» и сигареты.

Психанул священник, прекратил миссионерское дело своё. Успокоились люди и сказали: «Как была Церковь от народа далека, так всё и осталось».

* * *

Приступили как-то раз православные к своему настоятелю, мол, в этих ваших интернетах один скверный поп на портале «Православие.ру» пишет, что Ветхий Завет читать надо.

Вздыхнул батюшка, покачал головой и сказал:

– Я как-то по молодости открыл Ветхий Завет, попал на Третью Книгу Царств. И там был такой момент, что Ровоам, сын Соломона, на просьбу народа о снижении налогов по совету молодых приближённых ответил крайне грубо и пошло. Не пристало православному читать такое, знаете ли.

Тогда стал молить народ православный, чтобы открыл им пастырь слова Ровоама. Долго упрямылся протопоп, затем потребовал удалить из храма детей малых.

– И сказал Ровоам народу: «Да мой мизинец толще, чем у отца моего... это...»

И показал глазами, где находится «это».

– Господи, какой срам! – ахнула староста.

Клирошанки густо покраснели, а молодой дьякон Дионисий в алтаре оживился и прислушался.

– Это я ещё Песню Песней не читал, – продолжал мудрый настоятель, – а вот мой однокашник открыл, на свою беду. Застукали его потом с одной, с регентского, пришлось жениться. А ведь он о монашестве мечтал.

Люди возмутились духом и с клятвой отреклись от подобных чтений. Мало ли что.

Один лишь отец Дионисий радостно потёр ладони, чётко уяснив для себя, что ему обязательно следует прочитать из Библии.

* * *

Один благочестивый священник ждал поощрений от священноначалия за то, что он не бу-

хал, не бил жену, не прелюбодействовал, не тырил церковную казну, не злословил архиерея и всегда заботился об уровне своих духовных компетенций.

Ждал он ни много ни мало – сорок лет. Да так и не дождался никаких благодарностей ни за своё благочиние, ни за боголюбие. И вовсе не потому, что начальство было злое. Оно было просто не в курсе всех его великих заслуг.

* * *

У одного проповедника было прозвище Шорох-в-кустах. Это потому, что никто не понимал, что он говорит на проповедях.

Прихожане терпели первое время, потом осерчали и стали говорить в сердцах:

– Да чтоб ему пусто было!

А бесы подслушали это и стали у того проповедника воровать красную икру с бутербродов. Он намажет густо, укусит, а во рту пусто. Опечалился и пошёл за советом к собрату, мол, колдует на меня паства.

Собрат-проповедник и указал ему на огрехи в дикции: сходи, мол, к логопеду и утолишь обиду людскую.

Опечалился Шорох-в-кустах и сказал:

– Так ежели я буду говорить чётко и понятно, все увидят мой недостаток в разумении Писаний, поскольку я большинство зачётов и экзаменов попросту купил. И будет последнее горше первого.

– А ты тогда не намазывай икру, а ложкой её ешь, – посоветовал учёный собрат.

– И то дело! – обрадовался наш герой и отошёл восвосяи беспечальный.

* * *

Один добрый пастырь в порыве любви к людям освятил на Богоявление целый плавательный бассейн.

– Во Иорда-ане, – пел он, погрузив в воду крест, а у самого по густой бороде текли слёзы умиления.

А на епархиальном собрании он обличил подлого собрата, который вероломно вовлёк студентов в изготовление плюшевых свинок. Всё бы ничего, но по китайскому календарю наступал Год Свиньи. А потом этих свинок раздали больным детям, подрывая устои Православия.

– Как же так, владыка? – задыхаясь от любви к деткам и студенческой молодёжи, рыдал вещий поп.

Свинский собрат подвергся публичному порицанию, ибо следить за китайским календарём

всякого пресвитера обязывает православная совесть.

А на следующий год любвеобильного пастыря все зачем-то поздравляли с Годом Крысы. Вот ведь какая страшная зараза проникла в нашу Церковь!

* * *

Один бедняк ненавидел бедность и коррумпированных депутатов за их наглость, богатство и оторванность от народа. Причём свою ненависть изливал вслух. Потом кто-то предложил ему баллотироваться в областную думу, чтобы одним достойным депутатом стало больше.

Предвыборные дела проходили в таком нервном напряжении, что бедняк чуть было не слёг в больницу, но выстоял. А чтобы выборы не сфальсифицировали, он привлёк массу независимых блогеров. Слух об этом дошёл до самого президента, который выразил в прямом эфире свою моральную поддержку.

В результате система была взломана, как о том выразился новоизбранный народный депутат. Приступив к работе, со временем он распрощался с бедностью и научился отличать лангустов от лангустинов. А его ненависть к бедности постепенно распространилась на бедняков, которые были вечно недовольны, ленились работать и вообще раскачивали лодку. А ведь в ней всем нам предстояло плыть к светлому будущему.

* * *

Один вещей настоятель малоизвестного храма имел благодать быть одновременно в разных местах. Особенно это касалось святых мест, где была сильная нужда в священнике, – уличной территории крупных городских церквей. Вот, скажем, заезжает человек на хорошей машине на территорию кафедрального собора, а к нему уже подходит вещей поп и говорит:

– Здравствуйте, я священник, чем я могу вам помочь?

И людям даже не приходилось утруждать свои ноги пешим переходом до церковной лавки, поскольку договаривались о требах с батюшкой-тружеником, не выходя из автомобиля.

* * *

Один строгий настоятель не одобрял светский Новый год, признавая лишь церковное Новолетие – в сентябре.

– Что вы хотите праздновать? – вопрошал он с амвона прихожан. – Пусть мирские люди отмечают, а у нас с вами нет никакого особенного праздника, ибо мы люди Божии.

Православные понуро расходились по домам и всё равно встречали Новый год с родными за столом, под бой курантов, но как-то с затаённым чувством вины.

А спустя некоторое время архиерей благословил служить на новогоднюю ночь всем желающим, и суровый протоиерей насторожился. А когда благочинный подхватил эту инициативу, тут, конечно, Сам Бог велел служить.

Теперь настоятель уже грозно обличал всякого, кто не почитит его храм своим присутствием с тридцать первого на первое, ибо ночных служб в году всего-то четыре теперь и кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец.

Испугались православные канонических прещений и пошли на ночную службу, выслушав массу неприятных вещей от своих нецерковных домашних.

А чего ещё от них ожидать? От нецерковных-то.

* * *

Белка-поэтесса задумала стихотворную славу, но муза так и не пришла. В отчаянии белка решила спиться, а под утро, подняв тяжёлую голову, продекламировала:

*Весенний лёд
Куда-то прёт.
Меня ведёт,
Весь мир плывёт.
Похмелье долго не пройдёт...*

После чего уронила голову и уснула. Павиану, понятно, доложили, и он целый день думал, что запретить: алкоголь или белок. Психанув, запретил стихи.

* * *

Один протопоп, служа литургию, допустил помысел, что поскольку его пока ещё терпит Господь в сущем сане, то он, стало быть, вполне ничего такой себе священник. Бывают-то и похуже порой.

Но стоило ему на «Отче наш» выйти из алтаря в пономарку, чтобы омыть руки, как его там ожидал большой сюрприз.

В пономарке стояла дежурная по храму и показывала попу средний палец. Без пяти минут пастырь добрый замер, поражённый этим видением. Тут следует пояснить, что дежурная эта была самым незлобивым на свете человеком, ни разу не назвавшая никого даже дураком. Да что там дураком! Она и фигу-то никому не сложила. А тут такой obscenный жест!

«Дело дрянью», – догадался протопоп, взирая на невербальный намёк снимать крест и идти работать в такси за профнепригодностью.

«Vox Dei, надо полагать, – продолжил рассуждать он. – Пора уходить, иначе камни возопиют по-английски».

Всё это пронеслось в голове священника за долю секунды, и он даже не успел измениться в лице.

Затем всадница его персонального апокалипсиса ласково сказала:

– Один исповедник. – После чего разогнула указательный палец, образовав таким образом букву V, и добавила: – И два причастника.

Поклонившись, дежурная вышла.

Протопоп нервно шмыгнул носом и, забыв умыть руки, ушёл назад в алтарь – восставить из пепла.

Но с тех пор служил уже с опаской.

* * *

Ученики спрашивали учителя, допускает ли он вероятность существования инопланетян.

Отвечал учитель:

– Я не знаю, есть ли разумные существа на иных планетах, домысливать не стану, но на этой их точно нет.

* * *

Один коррупционер не верил в людскую бедность и нищету. А всё потому, что сидел в таком кабинете, куда всякий просящий входил с взяткой.

– Если бы у людей не было денег, они и не платили бы мне, – рассуждал он.

И никто не мог против такой логики возразить.

* * *

Отец Пью как-то размышлял за стаканом доброй чачи, подаренной ему благодарными прихожанами:

– Православные, вот почему вы такие унылые? Одни не в курсе, что Христос победил смерть, другие пытаются напялить на себя монашеские вериги со всеми этими сухоядениями и жёстким контролем своего либидо, будучи при этом людьми семейными, между прочим. Третьи слишком много гордятся своими заслугами и боятся общественного порицания за грехи. У четвёртых всегда болит голова за школьную успеваемость, ипотеку, шубу и новые сапоги. А я почему всегда безмятежен, подобно весеннему цветку лотоса на глади пруда у подножья Фудзиямы? Да потому, что пью, мне нечего терять, нечем гордиться и почти в совершенстве овладел искусством православного дзен-пофига.

Затем поднял стакан, чокнулся с церковным сторожем и провозгласил:

– Эй, грядя, Господи Иисусе! Слава Богу, мы все умрём!

– И воскреснем, – шипло прошептал он вместо закуски.

* * *

Как-то раз утонул один учёный, свалившись в море с пирса. Поскользнулся на медузе. Ангелы, как водится, понесли его душу на суд. А тут откуда ни возьмись – черти. Чёрные, как самый оголтелый расизм. И давай запугивать учёного. Свистят, галдят, зачитывают грехи: как докторскую сплагатил, как с аспирантками спал, как анонимки строчил на ректора.

Не ожидал усопший, что загробная жизнь существует. Да и к таким напастям от судьбы тоже не был готов.

– Так это же чёрный шум! – догадался он вслух.

– Чёрный что, простите? – растерялся один чертёнок.

– Ну, спектр сигнала произвольной природы, близкий к спектру абсолютного чёрного тела, – пояснил профессор. – Конечно, с одной стороны, мы имеем невозможность термодинамического равновесия между веществом и излучением, ибо вся тепловая энергия стала бы коротковолновой, но квантово-механический подход, пожалуй, мог бы всё прояснить...

– Не зли меня, подлюка, – взъерошился чёрт постарше, – я тебе сейчас так формулу Планка разложу, что и Рэлей с Джинсом не помогут!

И двинулся было на доктора, но тот вдруг закашлялся и исчез.

Очнулся учёный, смотрит, а над ним какой-то пионер склонился.

– Тебе чего, мальчик? – неласково осведомился утопленник.

– Да я же вас спас! – обиделся юноша. – Из воды вытащил, искусственное дыхание сделал, как меня учили.

– Поторопился ты, – отмахнулся профессор. – Я бы их там всех на место поставил.

Пионер сплюнул с досады, огляделся вокруг и сказал нехорошее слово, после чего полностью разуверился в моральных принципах пионерии.

* * *

– Батюшка! – как-то раз обратился к отцу Пью юный алтарник. – А вот вы почему никогда поклонов не даёте пономарям в наказание?

Отец Пью отвлекся от разглядывания фотографии в церковном календаре и внимательно посмотрел на подростка.

– А тебе, брат, хочется их класть? – поинтересовался он.

– Поклоны спасительны, – уклончиво ответил юноша.

– Ну так что тебе мешает кланяться во славу Божию? Вовсе не обязательно для этого косячить.

После чего вернулся к бородатым фотографиям.

– Сколько жуликов на свете! Помилуй Бог! – покачал он сокрушённо головой.

Тут как тут настоятель:

– Кто жулики? О ком это ты?

– Мошенники телефонные, – ответил отец Пью, – звонят и звонят без конца. – Затем удивлённо воззрился на настоятеля: – Да уж не на этих ли святых старцев ты подумал, борода твоя многогрешная? Окстись, брат!

И, уткнувшись в календарь, замурлыкал «От Севильи до Гренады», к вящему неудовольствию начальника.

* * *

Ученики обступили учителя и сообщили ему, что некий миллиардер раскритиковал низкие пенсии и зарплаты россиян, ожидая услышать от своего наставника нечто мудрое по этому поводу.

Тот оглядел братьев и сказал:

– При сильном желании можете и вы покритиковать, ведь для этого совсем не обязательно быть миллиардерами.

* * *

Собрались как-то православные на одном приходе, чтобы решить вопрос, как привлечь молодёжь в Церковь.

– Не нужна нам тут эта молодая поросль, от неё одни проблемы, – сказал один дедушка. – Будут тут свои порядки наводить, с гаджетами ходить, шуметь, рок-концерты бясовские устраивать, ну их, короче.

– Молодёжь – наше будущее, – возразила ему тётенька.

– Дайте мне спастись спокойно, а они сами пусть как хотят, – упёрся дедушка. – С детьми этими возитесь, а они бегают по храму Божьему, молиться мешают людям.

– Кто научился молиться, тому дети не могут помешать, – высказалась клирошанка.

– Патриарх поставил задачу, и нам нужно её решать, хотим мы этого или нет, – отрезал настоятель.

– А, ну если так, то, конечно, да, – пробурчал дедушка. – Патриарху виднее.

– А давайте будем на русском служить, – предложил дьякон Дионисий, – а то им непонятно же, о чём мы тут молимся.

– Когда ты на русском читаешь Апостол, всё одно – ничего не понятно, – встряла староста. – Шуршишь, как ветер в ивах осенним вечером.

Дьякон обиделся и отвернулся.

Разгорелся большой спор. Один только отец Пью ничего не говорил, а только внимательно слушал. Предложили высказаться ему.

Он встал, оглядел уважаемое собрание и спросил:

– А эту самую молодёжь вы спросили, хотя ли они к нам попасть?

Все зашумели и решили выйти на улицу и спросить какого-нибудь юношу или девушку.

Поймали интеллигентного на вид подростка, обступили его и стали задавать вопросы. Так как предложений было много, парню пришлось их выслушать, поскольку он был очень воспитанным.

Потом юноша откашлялся и сказал:

– Вы, конечно, меня простите, но мне это просто неинтересно.

– Как же так? – опешил настоятель. – А Христос? Христос тоже не интересен?

– Да, простите, – ответил парнишка. – Не то чтобы я был против Церкви или религии как таковой, кому-то это действительно необходимо, но так уж сложилось, что вот именно мне Христос не нужен, простите.

И ушёл своей дорогой, продолжив слушать аудиокнигу через наушники.

– А я про что, – сказал отец Пью и пошёл отпевать, потому что уже привезли гроб.

* * *

Один человек слёзно молил Бога о миллионе. Долго ли, коротко ли, не помню. Суть в том, что таки вымолил.

Деньги пришли настолько легко, что радость вскоре сменилась осознанием того, что с таким же успехом можно было просить сто миллионов. А просить вторично было боязно. А может, стыдно. А на сто миллионов-то... Всю жизнь вспять. Или вперёд. А если не рублей, а долларов? Как бы тогда запели все те, кто его презирал! Попросить ещё или уже всё – лимит, экзамен? Тварь ли я дрожащая?

Как вы понимаете, кончилось всё это тем, что человек сошёл с ума.

* * *

Белка из числа шестнадцати открыла в себе талант живописца и написала закат в модернистском стиле. Все звери пришли посмотреть на картину, даже Крокодил, проглотивший солнце.

– Это же Павлиан, – сказал он, – только под другим углом.

И уполз обратно.

Самому царю зверей работа очень понравилась, и он повесил её в своих личных покоях.

* * *

Один монах возмечтал о епископстве.

– Развелось начальников кругом! – говорил он. – Тут игумен, там эконо́м, поди туда, принеси это. Стать бы архиереем! Сам себе начальник. Наверху лишь один патриарх. А уж если стать предстоятелем, то...

Дальше воображение просто останавливалось.

Будучи человеком целеустремлённым, он трудился порядка десяти лет, отказывая себе в отдыхе, чтобы уменьшить количество начальников.

И вот он епархиальный архиерей. Глядь, а количество командиров вдруг резко увеличилось, да так, что преосвященному стало дурно. Заперся владыка у себя в резиденции и никого не пускал целых четыре часа. Дольше не получилось ввиду особенностей нового служения.

Новых целей по продвижению вверх епископ перед собой уже не ставил.

– Я всё понял, Господи, – говорил он, получая очередные указания из синодальных отделов и иных высоких мест.

* * *

Пока отец Пью чистил в пономарке камилавку от воска, алтарник поведал ему с грустью, что в состоянии аффекта разбил телевизор о камень мостовой, чтобы жена не смотрела круглосуточно свои сериалы.

– Эх, не стоило, обиделась же смертно, – говорил суровый бородач, скребя затылок.

– Дщи Вавилоня, окаянная, – задумчиво процитировал отец Пью. – Блажен, иже имет и разбивает младенцы твоя о камень.

– Ну я это, того, – смутился пономарь.

– Не те сериалы она смотрит, так и передай, – сказал протопоп. – Я вот давеча «Ведьмака» с Суперменом в главной роли пытался рассмотреть... Тоже чуть телик не разбил, еле удержался, так взбесил меня скотский «Нетфликс».

Не знаю, зачтутся ли мне те муки... А плесни-ка мне, родной, ещё бензинчику.

* * *

В ожидании епархиального собрания три сельских настоятеля стояли на улице и обсуждали вопросы языка богослужений. Один ратовал за перевод на русский, другой стоял на консервативных позициях, третий был просто за адаптацию церковнославянских текстов.

Тут к ним подошла одна согбенная старушка:

– Батюшки родненькие, а когда память святого Бебонага?

– Кого-кого? – оторопели попы, переглядываясь. – Нет такого святого у нас. Может, католик он?

– Какой ещё католик? – рассердилась бабушка. – Да он в одной лодке с апостолами рыбачил, а потом эпендитом препоясался и ввержся в море Христа ради.

– Симон же Петр, слышав, яко Господь есть, епендитом препоясая, бе бо наг, и ввержся в море, – осенило одного из троих.

– Да, вот он, родимый.

– А, ну так его ещё не прославили, матушка, – ответил догадливый поп.

Старушка заахала и отошла.

– Понял теперь? – было сказано консерватору. И спор разгорелся с новой силой.

* * *

Когда отец Пью перед всеобщей сидел в пономарке с другими попами, то увидел в окно, как настоятель выходит из нового автомобиля.

Закатив глаза, он вытянул вдаль руку и сдавленным голосом воззвал:

– Слушайте, братья, только что мне было видение! Сегодня зарплаты не будет!

Ему, конечно, никто не поверил. А через пару минут все уже слушали пространный рассказ о тяжёлых временах, общецерковных сборах на борьбу с кастанедовцами, разрухой и Гарри Поттером. Понурившись, попы поняли, что видение их сослужителя было истинным.

И только сам ясновидец не огорчился. Взяв в десницу свою длинный нож, которым обычно нарезали литийные хлеба, отец Пью мило улыбнулся настоятелю и запел:

– Ведьмаку заплатите чеканной монетой, чеканной монетой!

А окончив припев, двинулся на своего начальника походкой самурая-мечника, ко всеобщей радости.

Настоятель шутки не оценил и спешно покинул пономарку, чтобы позвонить в епархиальное управление.

Так отец Пью получил свой очередной месячный запрет.

* * *

Ученики спрашивали учителя, большой ли грех материться, когда всё плохо.

– Это не грех, а глупость, – ответил учитель. – Предлагаю весь следующий день провести без еды, но употребляя матерную брань.

Когда время эксперимента подошло к концу, учитель спросил учеников, легче ли им было, когда они не стеснялись в выражениях. Оказалось, что урчащий желудок матерщиной не накормить.

Вывалив на стол гору леденцов на палочке, учитель заявил:

– Завтра принимайте пищу как обычно, а как захочется с досады сказать что-то неладное, вместо этого берите по чупа-чупсу на каждый такой случай.

Выяснилось, что от сладостей гораздо больше толку, чем от ругательств. На том и порешали, закупив побольше конфет. Жизнь-то далеко не всегда сахар.

* * *

Одному настоятелю донесли, что его сотрудница не вакцинируется по религиозным соображениям. Она была вызвана на получасовую лекцию о том, что Церковь не учит против прививок.

– Какие у тебя ещё могут быть религиозные причины уклоняться от вакцин? – строго спросил пастырь. – Вот отлучу тебя от Причастия, тогда узнаешь, как воду мутить.

– Видите ли, батюшка, – ответила сотрудница, – у меня поливалентная аллергия, а в Писании сказано, что жизнь полагать похвально за друзей, а не за премию участкового терапевта.

Настоятель засопел и отпустил подчинённую на её рабочее место.

* * *

– Батюшка, мне тут ваша сотрудница заявила, что женщинам брюки носить – грех, а я прочитала в интернете, что не грех!

Пришедшая на огласительную беседу излучала негодование всем своим видом.

Отец Пью внимательно оглядел собеседницу, обойдя её вокруг, отчего она несколько смущалась.

– Ну вот сами рассудите: задние половинки развёрнуты в сторону бокового шва. И ещё вот

эти складки, видите? Это не просто грех, это кощунство какое-то! Пожертвуйте брюки срочно кому-нибудь, а себе купите что-то более подходящее, да, – заявил протопоп и удалился в алтарь.

* * *

– Батюшка! Русский язык погибает! – воскликнула прихожанка монастырского храма. – Неужели Церкви до того и дела нет?

«Горе мне», – подумал игумен Тигрий, а вслух сказал:

– Гибнут цивилизации, пропадают с ними и языки, да и вообще все мы умрём.

– Так ведь иностранщина заменяет собой русскую речь. Вы что, не понимаете?

«Ланфрен ланфра», – очень захотелось ответить настоятелю обители, но вместо этого спросил:

– А помните, в Ветхом Завете говорилось, что некогда все на земле говорили на одном языке? И ведь ничего в этом не было плохого, пока хананеи не пошли против Бога. Может, нам об этом лучше задуматься?

– Да вы вообще русский человек или кто? – возмутилась дама, всплеснув руками.

– Монах я. А во Христе нет ни русского, ни этрусского, – парировал чернец.

– Да какой вы... – начала было женщина, но в этот момент отец Тигрий затрясся, как осино-
вый лист, и с перекошенным лицом указал на нечто за её спиной.

Взвизгнув на всякий случай, она резко развернулась на месте, но ничего страшного там не обнаружила. А когда повернулась к собеседнику, то, к своему неудовольствию, увидела, как тот, подобрав полы рясы, улепётывает к братскому корпусу.

И больше ноги её в том монастыре не было.

* * *

– Лично я считаю, что на помощь прихожан должны рассчитывать лишь семейные священники, у кого есть дети, – сказала новенькая бабушка, поставленная у панихидного стола раскладывать приношения для клириков, – и трезвые.

– Да я особо без претензий, – ответил отец Пью, отходя от кануна. – Была у меня семья, да погибла, к сожалению, – добавил он вполголоса.

* * *

– Есть такая проблема, святой отец, – сказал, смущаясь, один дядька, подойдя к дьякону Дионисию. – Все вот эти сборы с тарелкой.

Дьякон хотел было сказать, что он сам не в восторге от этой практики и, будь его воля, он бы... Но поборол желание, боясь, что донесут настоятелю.

– Понимаете, – продолжал мужчина, – кидать на блюдо мелочь как-то стыдно, мол, побирושка какой, а всякий раз класть купюры – накладно выходит.

– То есть дело лишь в этом? – удивился отец Дионисий.

– Ну как бы да. Что посоветуете?

– Кидайте фальшивые деньги, – нашёлся вдруг священнослужитель и предъявил сто дублей банка приколов.

Дядька повертел купюру в руках, хмыкнул, крепко пожал дьякону руку и, довольный, удалился.

* * *

Отец Пью сидел на заседании круглого стола по противодействию экстремизму вместо настоятеля, который находился в отъезде. Чтобы не было так скучно, он представил себя умиротворённым лемуром, греющим на солнышке.

Экстремистом по неведомой причине тут считали именно попа, поэтому каждый считал своим долгом высказаться с критикой Церкви.

«Я збагоен, я совершенно збагоен», – думал отец Пью и ласково всем улыбался.

– Лично я, к примеру, считаю, – строго сказал какой-то чиновник, – что никакой разницы между православием и католичеством нет.

«Я снежинка», – голосом Медвежонка подумал православный делегат и кивнул чиновнику.

Тот, похоже, ждал иной реакции и спросил:

– Вот скажите, а почему католики на службах сидят, а православные стоят, а?

– Ну, дорогой мой, это же абсолютно очевидно, – снисходительно ответил отец Пью. – Это чтобы Бог нас сверху хоть как-то отличал друг от друга.

И добродушно улыбнулся.

* * *

Приступили как-то раз монахи к своему игумену:

– Нам тут вопрос каверзный задали в этих ваших интернетах, мол, почему ходишь, ходишь в храм и молишься, а всё одно болеешь? Судили мы да рядили, не знаем, что ответить.

Задумался отец Тигрий и ответил:

– Очень непростой вопрос. Вот взять моего брата, например. Так он и на лыжах, и в спортзале, не пьёт, не курит, диспансеризацию прохо-

дит дважды в субботу, а духовнее не стал никак, хулит всех святых на чём свет стоит. Не знаю и я, что ответить.

И пошёл выбрасывать монастырский вай-фай-роутер.

* * *

Вышел отец Дионисий кадить на вечерне. Покадил иконостас, покадил аналойную икону, покадил вдоль южной стены храма, а когда дошёл до притвора, то напала на него печаль века сего, как он потом рассказывал настоятелю. А не совладавши с той печалью, так и пошёл домой – в стихаре и с кадилом в руке.

А благочинный выговорил настоятелю, который позвонил пожаловаться, чтоб впредь зарплату дьякону не задерживал.

* * *

К отцу Пью в храме подошла молодая женщина:

– Батюшка, я нательный крестик потеряла! Я теперь умру?

Тот посмотрел на вопрошающую пронзительным взглядом, осторожно потыкал в неё пальцем и сказал:

– Да.

И ушёл.

* * *

67

Когда заболел требный иеромонах, отцу Тигрию пришлось самому выйти на исповедь. А исповедовать немонахов он не любил.

– Батюшка, жена от меня тако-о-ого требует, а я ведь православный. Только же миссионерская должна быть, ну, эта, вы понимаете? – докопается иной.

– Ты миссионер, чадо? – спрашивал несчастный собеседник ангелов.

– Э-э-э... Нет, я электрик.

– Ну вот и не выдумывай. Иди вон, зажигай, – бывал ответ.

Вот и в этот раз ему посчастливилось. Юбка в пол, за спиной почему-то рюкзак, на ногах ботинки. Городская. Спрашивает, не грех ли kota кастрировать.

– Вы очень правильно поступили, что с этим вопросом приехали именно в монастырь, к монахам, – оживился настоятель. – Только есть одна проблема.

– Какая, честный отче?

– Видите ли, я не кот, тем более не ваш кот. Вот вы спросите у него. И если он будет не против, кастрируйте на здоровье. Христос на вас будет не в обиде, – ответил игумен Тигрий.

– Отче, да как же это? – опешила паломница.

– Воля Божия! – воздел руки к небу пастырь. – Монахам Бог всё-всё открывает на благоприятную пользу истинных почитателей иноческого жития.

После чего объявил остальным паломникам отпущение всех грехов ввиду открывшейся ему истины о каждом присутствующем и поспешил в алтарь – дослуживать литургию.

* * *

Двадцатипятилетний алтарник за кружкой пива жаловался отцу Пью:

– С неофитством у меня прошло благоговение ко всему!

– А скажи-ка, брате, ты всё понимаешь из канона Андрея Критского? – спросил протопоп. – Только по правде.

– Да не особо, – признался пономарь.

– Разницу между омоусиос и омиусиос чётко чувствуешь? – продолжал пастырь.

– Дичь какая-то, как по мне, – поразмыслив, ответил молодой человек.

– А не мог бы ты чисто по-братски переписать свою квартиру на меня? – проникновенно предложил отец Пью.

– Э, постой-ка! – возмутился алтарник. – Это что за братство такое?

– Ну так и не беспокойся, ты всё ещё неофит и к своей собственности благоговение не потерял. Прояви уважение к праву собственности Господа Бога – и будет тебе счастье! – резюмировал отец Пью. – Что сидишь, раскрыв рот? Наливай давай!

* * *

Один человек решил бороться за православие. Для начала он начал выявлять скрытых врагов веры внутри самой Церкви. Некоторые неправильно осеняли себя крестным знаменем, другие не обличали колдовство и магию в сказках и мультфильмах, третьи служили на дьявольских просфорах, выпеченных на дрожжах (а ведь там, как истинно писали в интернете, содержится костная мука). А чего уж говорить о принявших биометрические паспорта и не уважающих Распутина...

В общем, оказалось, что истинных православных в Церкви и не осталось никого. Поэтому верный Христов ученик основал свою Церковь – Истинно-Русскую Канонично-Православную. И назначил себя Патриархом за неимением иных достойных кандидатов.

* * *

К отцу Пью, дежурившему в храме, подошла бабушка:

– Сынок, скажи, пожалуйста, своими словами молиться можно?

– Да вы что? – изумился протопоп. – Как можно? Господь – Он ведь только по-церковно-славянски понимает!

На пару секунд бабушка зависла, затем хитро улыбнулась, чмокнула отца Пью в макушку и удалилась довольная.

* * *

В одном храме настоятель решил не устанавливать таксы за требы. Мол, кто сколько может, столько и заплатит. А всё потому, что хотел облегчить соотечественникам вхождение в Царствие Истины.

Ожидание

Нищему Валере – всё бесплатно или за «подмести крыльцо».

Пенсионерка Валентина, приехавшая на автобусе, не может заплатить за записку сто пятьдесят рублей и жертвует пятьдесят.

Директор мясокомбината Викентий, приехавший на «Брабусе», стыдится заплатить сто пятьдесят рублей и жертвует пятьсот. Или даже тысячу.

Настоятели других храмов делятся на две партии: завистников и единомышленников.

Реальность

Нищий Валера подметает крыльцо храма бесплатно, платит за записку сто пятьдесят рублей.

Пенсионерка Валентина идёт пешком, экономит на автобусе, за записку жертвует десять рублей, копит на подарок внуку.

Директор мясокомбината Викентий приезжает на «Брабусе» с годовым запасом записок за всё своё генеалогическое древо, не жертвует ничего.

Настоятели других храмов ржут. Некоторые сочувствуют.

* * *

Однажды отец Пью подменял дьякона на огласительной беседе. Креститься хотел деловой дядька, в пиджаке, с замашками большого начальника.

– Слышь, отец, а давай как-нибудь договоримся без бесед, – начал он без обиняков.

– А ты чем заведешь, мил человек? – поинтересовался катехизатор.

– Фирма у меня строительная, – ответил начальник.

– А возьмёшь меня на четверть ставки к себе?

– А образование строительное имеется? – спросил дядька.

– А давай как-нибудь договоримся без этого, – предложил отец Пью.

– А-ха-ха, – погрозил пальцем строитель, – подловил ты меня. Ну хорошо, смотри, мне бы просто креститься, я всё равно как бы соблюдать всё не собираюсь.

– А креститься-то зачем хочешь? – спросил протопоп.

– Ну на всякий случай, там, для подстраховки, что ли. Вдруг правда Бог есть. Надо же предусмотреть все варианты.

– Согласен, – поскрёб бороду священник, – дальновидность ещё никому не помешала. Только как ты себе это всё представляешь? Познакомился ты с прокурором. Дело нужное. Мало ли как в жизни всё повернётся.

Дядька понимающе закивал.

– Только вот сколько придётся вкладываться в эти отношения, подумай, – продолжал отец Пью. – Сколько нужно с прокурором выпить, сколько ему одолжений, чтоб в случае чего посреди ночи важный звонок сделать. А ты хочешь, познакомившись с Христом, тут же о Нём забыть? А потом в час смертный – такой, типа, вот он я, помоги?

Дядька серьёзно задумался, несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но всякий раз снова закрывал.

– Ну и задачу ты мне задал, – наконец промолвил он. – Вот не готов я сейчас с ходу её решить.

– Ну так и не торопись, подумай, – предложил пастырь.

– Пожалуй, что так, – ответил директор строительной фирмы, попрощался за руку и ушёл.

Думать, наверное.

Ученики в сильном волнении спросили учителя по поводу мировой войны, что, согласно афонскому пророчеству, должна случиться буквально через пару месяцев.

– А я смотрю, у вас далекоидущие жизненные планы, расписанные на целых два месяца вперёд! – страшно удивился учитель.

Сменился в епархии правящий архиерей. Прежнего поставили возглавлять какой-то Синодальный отдел, а новый оказался однокашником отца Пью. И первое дело, которое он взялся изучать, было самым толстым от жалоб на смутьяна и пьяницу, которого бы в запрет с лишением сана, да вот только владыка имел свои собственные соображения по этому поводу.

– Здравствуй, дорогой мой отец Михаил! – приветствовал новорукоположенный епископ старого товарища.

– Благослови, владыка! – бухнулся смутьяну в ноги.

Тот поднял его, благословил и крепко обнял.

– Садись, отче, выпей со мной чаю.

Пока отец Пью разливал чай по чашкам, владыка пододвинул к себе толстенную папку и сказал:

– Не знаю, какими словами выразить тебе свои соболезнования по поводу кончины Танечки и твоих малышей...

Протопоп, чьи виски уже тронула седина, молча опустил глаза.

– Я тут вот что решил. Хочу детский приют создать при епархиальном управлении. Да только дело это настолько тонкое, что не всякого поставишь во главе. Сам понимаешь. Обидеть ребёнка всякая скотина горазда, да и деньги казённые тырить легче лёгкого. А ты, я знаю, не тот человек, чтоб такие беззакония творить. Да и другим не позволишь. Вот и будешь директором. Штат сам подберёшь, – сказал епископ.

Отец Пью изумлённо воззрился на архиерея:

– Так я же...

63

– Так я же – что? – оборвал владыка семинарского товарища.

– Ну ты же читал моё дело... Пьяница я.

– Читал и плакал, Миша, читал и плакал. А за воротник закладывать тебе некогда будет, уж поверь мне. Ты теперь многодетный отец. Давай-ка чай пить, пока не остыл.

Прослушав послание президента Федеральному Собранию, бывший настоятель отца Пью на всякий случай перевёл все свои доллары в юани, но смутное чувство беспокойства его так и не покинуло...

Застав монастырского сторожа за курением на рабочем месте, отец Тигрий хотел было сделать ему строгое внушение, но помедлил с этим, спросив на всякий случай, не случилось ли чего.

Сторож с отрешённым видом неопределённо махнул рукой и сказал:

– Видите ли, батюшка, я боюсь грядущей диснеевской киноадаптации мультика про Мулан. Вдруг в китайской армии окажутся негры или, скажем, Ли Шанг влюбится в Мулан раньше времени? Представляете картину? Он ощущает где-то внутри сперва слабую искру, но гасит в се-

бе чувства, ведь он офицер и прежде всего должен исполнить воинский долг.

А тут ещё его снаедает желание доказать всем, что он получил капитанское звание не потому, что он генеральский сынок. Выходит, что проявлять симпатию к Мулан несвоевременно, ведь нужно зарабатывать авторитет. Но он ничего не может с собой поделать, и его чувства, обострённые ежедневной опасностью смерти как собственной, так и Мулан, буквально пожирают его изнутри. Втайне он, само собой, надеется на ответную любовь, что естественно, ведь он живой человек. Постепенно он начинает ловить на себе тайные взгляды Мулан и после стадии отрицания всё же уверяется, что любим.

Понимая, что его любовь может не пережить и следующего дня, он открывается Мулан и, услышав в ответ робкое признание в ответных чувствах, забывает о всякой осторожности, и вот на экране крупным планом поцелуй двух влюблённых! Но стоп! Что это? Мулан – девушка? Как такое может быть? О, горе! О, злая судьба! Сердце Ли Шанга разбито, он не может любить девушку. Почему? Почему Мулан не мужчина? Трагедия! Жизнь потеряла всякий смысл! И капитан принимает решение погибнуть в первом же бою...

А ведь дети ждут, чтобы сходить в кино. Понимаете, о чём я, батюшка? Поскорее бы уже конец света, что ли?

Настоятель открыл рот, но вместо слов смог выдать лишь слабое сипение. Вырвав из руки сторожа пачку сигарет, он впервые за двадцать пять лет закурил и долго смотрел на закат.

* * *

Один священник очень не любил проповедовать, потому что ему нечего было сказать людям. А надо было. Поэтому он уже в алтаре просто запускал на телефоне браузер, прочитывал первую попавшуюся проповедь и пересказывал, что запомнил, прихожанам. Главное – вовремя за интернет платить, чтоб без казусов там всяких.

* * *

– Я в Церкви уже тридцать лет, – учил старший пономарь новоначального. – Что непонятно – у меня спрашивай. Нет такого вопроса на церковную тему, на который я не знал бы ответа.

Отец Пью, ставший невольным свидетелем беседы, наклонился к седому алтарнику и тихо спросил:

– Архангелу Михаилу имя кто дал?

– Как это кто? – ошелил церковнослужитель. – Ну так это... Хотя нет. А... Тоже не сходится.

И он застыл, уставившись на нового клирика кафедрального собора, о котором из духовенства мало кто говорил хорошо.

А отец Пью подмигнул и ушёл в алтарь.

* * *

«Помолимся этой ночью в тишине и спокойствии», – твёрдо решил отец Тигрий и вывел к открытым воротам монастыря трубу с краном от пятитонного бака крещенской воды. И табличку написал соответствующую.

Так впервые за двадцать лет служба в монастырском храме прошла без прихожан, поскольку главные события совершались у ворот.

* * *

Одна женщина раздала обязательства, оставила больную мать и последовала за Христом иноческих одежд ради. Ибо ничто мирское ею уже не обладало.

А бывшей подруге пришлось ухаживать за её лежачей матерью-старушкой, поскольку погрязла в суете гнущегося века сего и не была достойна зваться от народа «матушка монахиня».

* * *

Чтобы не сорваться в пьянку, отец Пью научился курить кальян. Конечно, сигареты были удобнее, но табачный запах всё портил. А из-за кальяна от попа всегда пахло ладаном, что было явлением вполне естественным.

За табаком и углями он ходил в специализированный магазинчик, где работала очень симпатичная продавщица. Ей понравился зеленоглазый аккуратный мужчина, всегда сдержанный, с бархатным голосом, как у Алана Рикмана. А поскольку этот покупатель не пытался флиртовать, она сама сделала первый шаг, пригласив его в кофейню.

Отец Пью, четвёртый год живший вдовцом, бросил быстрый взгляд на губы красавицы и неожиданно для себя выдал:

– Видите ли, моя дорогая, я гей, извините.

После чего расплатился с опечаленной девицей и больше в этот магазин не приходил, заказывая всё необходимое в интернете.

* * *

Одному очень суровому молодому христианину забыли сказать, что Христос воскрес, и он так и ходил. Суровый и непримиримый к неполному соблюдению четвёртой редакции Студийского устава другими христианами.

Ибо нечего тут расслабляться, понимаешь.

Игуменья Акулине приснилось, что в споре иосифлян с нестяжателями победил преподобный Нил Сорский, отчего она проснулась в холодном поту.

– Чуть сердечко моё не остановилось, – жаловалась она потом духовнику. – Кстати, а кто это такие и чего они спорили вообще?

И пожилой иеромонах смущённо разводил на это руками.

* * *

– А правда ли, что жилища, в которых обитают собаки, нельзя освящать? – спросила одна прихожанка отца Пью.

– Абсолютная правда, – подтвердил тот. – Собака настолько нечиста духовно, что один лишь архангел Рафаил способен вынести её присутствие, да и то с трудом, поди. Что уж говорить о немощных попах, не читавших книгу Товита?

* * *

Приехали как-то высокопоставленные паломницы в мужской монастырь. Пришлось игумену Тигрию их встречать со всей братией, дабы владыку не сердить.

По старой традиции приурочили приём гостей к Пасхе и угощались красным вином и варёными яйцами.

– Нельзя яйцом стучать о стол, – сделала чиновница замечание старому монаху. – Стол – Престол Божий.

Тот остановился и вопросительно посмотрел на настоятеля.

– Это смотря каким концом стучать: тупым или острым, – пояснил игумен с набитым ртом.

– А есть разница? – удивились паломницы.

– Ещё какая! – важно поднял палец монах-филолог, шумно отхлебнув из деревянной братины. – Из-за этого, по свидетельству одного английского батюшки, два великих народа вели войну, между прочим.

Затем вытер бороду рукавом, объявил, что монахам пора поливать палки, и, оставив женщинам в сотрапезники словоохотливого сторожа, ретировался вместе с насельниками.

* * *

До прочтения Житий Святых одна добрая христианка всякий раз, когда у неё болели зубы, молилась святому Антипе Пергамскому, и помогало.

А после прочтения, когда женщина узнала, что святой вовсе не был стоматологом, помогать перестало.

«Горе от ума», – догадалась она.

Некий православный христианин из-за переезда был вынужден ходить в кафедральный собор. Но всякий раз, когда он настраивался помолиться, то через открытые Царские врата наблюдал возмутительную картину: один из священников самым наглым образом устробучивался в телефон на пару минут. Всё молитвенное состояние как рукой снимало, само собой.

Сперва хотелось подойти к ключарю и нажать, но вдруг озарение свыше подсказало решение проблемы. Это нужно сделать самому, поймав, так сказать, за руку.

Стать алтарником оказалось нетрудно – всего-то согласиться от собора пойти учиться на бакалавра теологии по епархиальной разрядке. Подать кадило, забрать кадило, зажечь свечу, погасить свечу, перекреститься, повернуться, поклониться. Телефонный поп, правда, появился только через месяц – был в отпуске.

И вот она – кульминация и развязка! Ради неё новоназначенный алтарник даже отказался читать Апостола, уступив другому пономарю. Вот виновник всего предприятия – уселся на стул рядом с Горним местом и, не таясь, запустил на телефоне браузер.

Алтарник твёрдым шагом приблизился к нему и бесцеремонно заглянул через плечо. Несколько вариантов диалога были заготовлены заранее и безупречно отшлифованы.

А на экране были богослужебные указания на текущий день.

Ткнув пальцем в гиперссылку апостольского чтения, отец Пью открыл его текст, а заметив серьёзного пономаря, кивнул на телефон и прошептал:

– Рекомендую. А то пока дьякон кадит, я толком и не слышу чтеца: кадило-то звенит.

* * *

Случился как-то переполох в одном благочинии: некий настоятель на проповеди крайне резко отозвался о фильме «Кин-дза-дза», объявив его антицерковным и подрывающим скрепы.

Отец благочинный, собрав казначея и старосту, держал с ними совет: дурак ли тот настоятель или больно умный?

Мнения разделились, но было решено передать его вместе с храмом в соседнее благочиние под видом акта доброй воли.

* * *

Один православный христианин, обойдя все городские храмы, составил длинный список

65

огорчивших его попов и направил прямоиком в Москву. Из жалобы следовало, что все сановные грубияны и хамы страны, любящие сокращать службу, собрались в одном городе и разбрелись по его приходам – заражать хамством и обновленчеством добрых православных христиан.

Вскоре пришло в епархию письмо из патриархии с мягкой просьбой разобраться в ситуации и ответить по обвинениям в трёхдневный срок.

А епископ ходил взад-вперёд по кабинету, перечитывал письмо и задумчиво напевал:

*Залегла тайга в тумане сером
От большого тракта в стороне.
Для ребят хорошим был примером
На деревне Паша-пионер...*

* * *

Отца Пью остановила на улице девушка-социолог и спросила, верит ли он в сверхъестественных существ, а именно: богов, духов и колдунов?

На колдунах протопоп оторопел, внимательно посмотрел на девушку и сказал:

– Признаться честно, я и в социологов не верю.

После чего осенил её крестным знаменем и пошёл своим путём.

* * *

Отец Тигрий выглянул в окно и, к своему ужасу, обнаружил там съёмочную группу вокруг старенького монаха. Тот сильно смущался от такого внимания к своей персоне и прижимал к груди секатор.

Настоятель в панике распахнул окно, чтобы вмешаться, но не успел.

– Как вы прокомментируете идею Москва – Третий Рим? – спросила женщина с плотоядной улыбкой.

«...» – нецензурно подумал отец Тигрий. А монах поморгал, продолжая держаться за секатор, как за спасательный круг, и робко спросил:

– Вы об эсхатологической версии или о более поздней?

Женщина перестала улыбаться. Воцарилась пауза. Пробежав глазами по лицам коллег, она не нашла ничего лучшего, как сказать:

– Осветите, пожалуйста, а-а-а... первую версию.

– А чего там освещать-то? – сказал старый насельник. – Москва и на второй Вавилон не тянет в апокалиптическом ракурсе, не то что на Рим.

Было видно, что тележурналистка давно потеряла нить, но сдаваться она не собиралась:

– Аргументируйте, пожалуйста!

– Так ведь это очевидно! – воскликнул монах. – Масштабы не те! Разве не так?

Бросив на старика ненавидящий взгляд, женщина коротко поблагодарила его и махнула рукой съёмочной группе, мол, сворачиваемся.

– Спаси, Господи, раба Твоего отца Платона, – вздохнул игумен, держась за сердце.

* * *

Услышав доносящееся из подъезда пение, дьякон Дионисий выглянул из квартиры и обнаружил подростка, моющего площадку. Песня оказалась религиозной, а паренёк – протестантом.

– Приходите в нашу церковь! – улыбнулся паренёк.

– Ох, – вздохнул дьякон, – мне и своей вот так хватает!

И провёл ребром ладони по шее.

* * *

Суровый мужчина, поймав отца Пью буквально за рукав рясы, убеждал его в необходимости борьбы с йогой ради спасения России.

– Даже без медитативной практики все эти позы способны погрузить человека в соответствующее духовное состояние, – сказал он.

– Соответствующее э-м-м... чему? – уточнил протопоп, осторожно высвобождая рясу из захвата.

– Оккультизму.

– Честно говоря, мне всем этим заниматься лень, – признался пастырь. – Вот вам встречный вопрос: гарантируют ли земные поклоны с крестным знаменем погружение в христианскую духовную жизнь?

– Э-э-э, ну-у... – с сомнением протянул мужчина.

– Поэтому мне и лень, – пояснил отец Пью, удаляясь.

* * *

Ученики спросили учителя, что он думает о признаках последних времён.

Оторвавшись от чтения оппозиционных церковных ресурсов, учитель изрёк:

– Когда Церковь начинает остро нуждаться в отделе аналитики и пиара, тут вам и последние времена.

* * *

Один церковный блогер, именующий себя PeelGrim, прознав о выходках отца Пью, решил на нём попиариться.

– Отче, как вы относитесь к четверговой соли? – спросил он, беря у соборного попа интервью.

– Очень хорошо отношусь, – ответил тот, радостно глядя в камеру.

– Э-э-э, а могли бы вы рассказать зрителям моего канала о том, как лично вы употребляете её в своей духовной жизни, – не растерялся интервьюер.

– Её? – переспросил отец Пью. – Очень даже употребляю, практически каждый день. На хлеб, бывает, насыплю и даю скотине.

– Какой скотине? – разозлился блогер.

– Заболевшей, – пояснил протопоп.

– Чёрную соль?

– Чёрную.

– А-а...

– В дальнюю дорогу всегда беру её с собой.

В ладанку зашиваю и ношу на груди с натальным крестиком. Показать?

И отец Пью начал расстёгивать воротник подрясника.

– А-а, нет, не надо, спаси Господи, – торопливо сказал PeelGrim. – Вы бы лучше сформировали своё богословское мнение в связи с возрождением данной традиции. На основании, так сказать, авторитетных источников.

– Дорогой мой человек, так ведь оно уже сформировано! – воскликнул священник.

– И кем же?

– Лавровым!

Образовалась пауза, во время которой блогеру захотелось нажать на кнопку «Стоп».

Вместо этого он уточнил:

– Сергеем?

Отец Пью крепко задумался и помотал головой:

– Или это был Лосский? А может, Лосев. Не помню. – Затем поднял указательный палец и сказал: – Главное, что четверговая соль защищает.

* * *

В дни рождественских чтений стояли как-то раз в коридоре зала церковных соборов попы попроще и беседовали о важном.

– Я понял, что моя молодость прошла, когда материться начал. В юности-то я ни-ни, – сказал один.

Второй почесал лысину и поведал, что его молодость была безтабачной и трезвой.

Третий открылся, что был целомудрен, а как прошла молодость, то и погуливать начал.

Четвёртый в юности трепетал пред лицом архиерея, а теперь злословит его беспрестанно.

– А я когда был молодым, то тайну исповеди свято блюл. А теперь ничего за зубами не держится. Прошла, видать, молодость, – задумчиво сказал пятый и куда-то удалился, оставив остальных в большом недоумении.

* * *

– Плохо всё, плохо, – вздыхал соборный катехизатор в пономарке. – Пора менять этот календарь, а то путаница какая-то.

– Патриарха менять надо, – утверждал протодьякон.

– Стиль руководства надо менять, – возражал митрофорный протопоп, – соборности побольше во внутренних решениях, а во внешних чтоб пожестче. Аферисты проклятые чтоб аж тряслись от страха!

– А я говорю, дело в патриархе! – не унимался протодьякон.

– Дело в нас, – промолвил старенький псаломщик, бия себя в грудь. – Разжирели мы, потеряли любовь между собой, вот гонения всё изменят разом. Нас пора менять, нас!

– Вот настоятеля точно пора сменить, а то цены в магазинах растут, а братские – нет, – вмешался молодой священник.

– Помяните моё слово, – грозил пальцем протодьякон.

– Надо менять богослужебный язык ещё, – вновь подал голос катехизатор.

– Планету менять пора, – это вышел из алтаря отец Пью, сверкая взором, точно ветхозаветный пророк, – старую на новую. Вот тогда только всё и будет хорошо.

* * *

На церковный суд был вызван дьякон Дионисий за оскорбление священного сана пресвитера. Свидетели утверждали, что он, узнав об очередной паломнической поездке настоятеля в Бразилию, интересовался, куда того понёс чёрт.

Опрошенный дьякон, поцеловав Крест и Евангелие, заявил, что считает своего настоятеля святым и вполне способным летать на чертях не только в Иерусалим, но и в другие святые места.

– А я ему верю! – внезапно сказал председатель суда игумен Тигрий, стукнув кулаком по столешнице.

На том и порешили.

* * *

В храме во время исповеди к отцу Пью подошёл молодой бородатый мужчина с вопросами по поводу воспитания сына-восьмиклассника.

Тот часто приносил двойки и курил. Ремень не помогал.

– А что за беда с двойками? – спросил священник.

– В каком смысле? – не понял прихожанин.

– Сформулируйте по пунктам, почему вас злят двойки сына, – потёр седые виски отец Пью.

– Вы смеетесь, что ли?

– Не смеюсь.

– А, в психоаналитика играем, – догадался мужчина.

И огласил подробный список бед, которые бывают у тех, кто учится на двойки.

– А если у него в школе проблемы? – предположил протопоп. – Конфликты, там, с учителями, учениками или в организме гормональные бури? Кости растут быстрее, чем кровеносные сосуды и нервные окончания?

Молодой отец помолчал какое-то время, затем сказал:

– Мужик должен преодолевать трудности уже в этом возрасте. Взрослая жизнь спуску не даст.

– А вы на сто процентов уверены, что у него будет взрослая жизнь? – спросил отец Пью.

– Что вы хотите этим сказать? – вскинулся бородач. – Извольте объяснить!

– Понимаете ли, мой дорогой друг, я бы очень хотел, чтобы мои дети приносили домой двойки по любым предметам. По всем предметам вместе взятым. И пусть бы они курили. Но они умерли. Попробуйте просто любить своего сына. А там дальше разберётесь, если захотите. Бога попросите, чтоб вам ума дал, и Он обязательно даст. Идите помолитесь Ему, а то вон та бабулька вас сейчас живьём съест, за то что мы тут уже минут десять беседуем.

И отец Пью мягко подтолкнул обескураженного мужчину в сторону мраморной Голгофы.

* * *

– А вот точно ли существует разница между человеком и животным? – спросили однажды гринписовцы игумена Тигрия.

– Как филолог скажу: небольшая, но имеется, – отвечал настоятель монастыря. – Всё дело в одном союзе «и».

– Это как? – не поняли защитники прав животных.

– Ну вот сказано в Писании: «Блажен, иже и скоты милует». Кто замечает этот союз, тот человек, а кто на него плевал, тот сам скотине подобен, – рассудил монах.

Гринписовцы почему-то обиделись и ушли.

* * *

Воспитанием семинаристов занимались два суровых клирика, которые самоотверженно свидетельствовали о недопустимости курения для будущих пастырей. Семинаристы же не очень верили священнику и дьякону, поскольку доподлинно знали, что воспитатели курят сами, тщетно надеясь на несбыточность немецкой поговорки о том, что знают двое – знает свинья, да на русских-то просторах. Поэтому курить мальчишки бегали за стены духовной школы. Где их, само собой, видели прогуливающиеся граждане.

Точку в этой истории поставил отец проректор в виде курительной урны в беседке на территории семинарии:

– Курите тут. А кого поймаю за оградой – отчислю.

В компании проректора семинаристам дымить было не комильфо, поэтому те, кто побогаче, ходили в ближайшую кальянную, а тем, кто победнее, пришлось завязать с этим делом аж до самой хиротонии.

* * *

Смущённые учением некоторых уважаемых пастырей о неправильном переводе слова «вино» на русский язык в тексте Библии, ученики приступили к учителю с вопросами:

– Скажи нам, что пил Христос в Кане Галилейской? Вино или виноградный сок? И что за напиток веселил сердце царя Давида?

Учитель согнул газету «Советский спорт», строго глянул поверх неё на учеников и процитировал на память:

– Пришёл Иоанн, не ест, не пьёт; и говорят: «В нём бес». Пришёл Сын Человеческий, ест и пьёт; и говорят: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам».

После чего разогнул страницу и продолжил чтение.

* * *

По собору ходили типичного вида «братки». Спортивные, деловитые, энергичные, уверенные в себе. От спортсменов – победителей Олимпийских игр они отличались глазами. Трудно выразить это словами, но отец Пью, увидев их, тут же мысленно записал в криминалитет.

Братки, в свою очередь заметив отца Пью, направились к нему.

– Слышь, батя, а вот если живого человека отпеть, то что будет? – спросил старший из них, подойдя почти вплотную.

– Зависит от обстоятельств, – уклончиво ответил протопоп, заподозрив неординарный слушай. – Смотря кто, кого и за что.

Браток слегка замялся:

– Ну, вот если поп отпоёт кого-то из-за обиды?

Отец Пью вздрогнул и перекрестился:

– Господи, какой ужас!

Братки занервничали:

– Так это, а будет-то чё?

– Умрёт, чё, – отрешённо ответил священник, – нехорошей смертью умрёт, бедолага...

– Так это разве не грех будет попу, если он так сделает? – с вызовом спросил один.

– Тяжкий грех, – покивал отец Пью, – за это крест по идее снять должны. Вот только никто ещё не жаловался, ну сами понимаете почему.

– А что делать терпите, то есть потерпевшему? – после недолгой паузы спросил старший. – Ну, там, молебен какой заказать или типа того?

Пастырь помотал головой:

– Если отпевание уже состоялось, то всё, ба-ста. «Пункт назначения» смотрели? Ну вот. Знакомый ваш? Как зовут? Я свечку за упокой поставлю хотя бы.

Переглянувшись, братки рванули на выход, а через несколько секунд с улицы донёсся рёв мотора.

Спустя несколько дней до отца Пью дошёл слух, что у одного сельского попа бандюки пытались машину отжать на автоподставе, а тот в сердцах их отпеть пригрозил. Бандюки навели справки, испугались, покаялись и даже оплатили попу ремонт.

* * *

Ученики приступили к учителю, держа в руках церковную книжку.

– Некоторые старцы советовали и вставить с правой ноги в знак желанья идти к Богу, – зачитал вслух один из учеников. Пролитав чуть-чуть вперёд, он слегка кашлянул в знак смущения и продолжил: – Если вы находились ночью в супружеском сожитии, обязательно следует омыться перед посещением храма.

Помолчав, он жалобным тоном добавил:

– Тираж десять тысяч экземпляров.

Учитель поднял глаза на учеников. Те переминались с ноги на ногу.

– Ну что сказать? – промолвил учитель. – Синька – зло!

* * *

Между двумя семинаристами разгорелся спор о том, чью позицию должен защищать на приходе поп: прихожан или архиерея. Моделировалась абстрактная ситуация, когда интересы

мирян и правящего архиерея почему-то вступили в конфликт.

Второкурсник считал, что поп должен быть за прихожан, поскольку они его кормят. Третьекурсник доказывал, что поп саном обязан епископу, и вообще нефиг допускать какие бы то ни было конфликты на приходе.

В результате их спор был услышан деж-помом, который на всякий случай взял с каждого объяснительную, почему они опоздали на ужин.

* * *

– Батюшка Михаил!

Это клирошанка, никогда не замечавшая грехов отца Пью, спешила разрешить очередное недоумение.

– Батюшка, представляете, на какую мысль я вчера наткнулась в соцсетях?

– Мне паниковать? – ласково спросил пастырь.

– Там было написано, что Бог любит сатану! – выпалила певчая.

– Вот как? Прямо так и написали? Одним предложением? Без контекста?

Женщина запнулась.

– Нет... ну, там было что-то вроде того, что Бог любит сатану, но ненавидит его дела. Как Господь может любить дьявола? Объясните!

Отец Пью покачал головой:

– Хм, допустим, что это правда. Тогда логически получается, что Бог любит сатанистов, рокеров, депутатов, нерусских и вашего бывшего мужа?

– Чтоб он сдох, – автоматически добавила певчая.

– Но если насчёт остальных я ещё могу как-то понять, то с вашим мужем, да будь он проклят, всё непросто, – задумался протопоп, скрестив руки на груди. – Нет, правда, ладно там Аттита, Чикатило, но ваш муж, чтоб ему пусто было, разве может претендовать на любовь Творца всего сущего?

Отец Пью начал взволнованно ходить взад-вперёд и ерошить свои волосы.

– Э-э-э, – сказала клирошанка.

– Гитлер хотя бы картины писал в молодости, Иуда делил с Христом тяготы, при Мао Цзэдуне в Китае вдвое выросла продолжительность жизни. Даже вечно фальшивый тенор с нашего верхнего хора, вероятно, тоже достоин Божьего снисхождения, но ваш муж-то, пропади он пропадом, как мог затесаться в эту благословенную компанию Божьих любимчиков? – выпалил священник.

– Ну, знаете, он всё-таки отец моих детей и любит их, – надулась женщина, – а они любят его.

Отец Пью молча смотрел на неё, скрывая улыбку.

– Вы меня совсем запутали. Я, пожалуй, пойду, – сказала певчая и раскланялась.

* * *

На архиерейской службе после малого входа семинарский хор, сговорившись, проигнорировал регента и спел: «Исполла эти, де-еспота! Исполла эти, де-еспота!» на мотив «Имперского марша» из «Звёздных войн».

Регент, схватившись за голову, медленно осел, размышляя, куда он пойдёт работать, когда с него снимут крест.

Молодые попы пришли в восторг, старательно пряча улыбки, а протодьякон вздохнул:

– Ой, дебилы...

К счастью, владыка «Звёздных войн» не смотрел и мелодия ему понравилась.

– Что за распев? Македонский? – спросил он у протодьякона.

– Не уверен, владыка, возможно, мандалорский, но это неточно, – ответил тот с серьёзным выражением лица.

* * *

Один человек очень переживал за Россию и Православие. Потому что проклятый Запад угрожал всё это разрушить богомерзким Днём святого Валентина.

Наш герой презрительно именовал праздник луперкалиями, а Чосера, воспевшего этот день в стихах, – птичьим поэтом. По поводу валентинок он язвил, что, будучи перевёрнутыми, те похожи на ягодицы.

Этими соображениями человек поделился с игуменом Тигрием на исповеди.

– Ягодицы, говоришь? – скинул тот брови. – Ступай, сын мой, и неси свет истины в защиту земли Русской!

И осенил его крестом.

А вечером, выпив немного водки, отец Тигрий написал архиерею своё третье прошение на постриг в схиму.

* * *

Отцу Пью часто присылали стихотворные строки из интернета по случаю всевозможных праздников. В ответ он тоже посылал чужие стихи, причём одни и те же:

*Видел я во сне горох,
Утром встал и вдруг подох.*

Протопоп надеялся, что в следующий раз дождётся поздравлений своими словами, но с каждым очередным праздником всё повторялось, потому что люди думали, что это он просто спяну хулиганит.

* * *

На учёном совете семинарии разбирали недопустимое поведение первокурсника, который, забравшись на колокольню, мастерски изобразил колокольную же мелодию из High Hopes группы Pink Floyd. На требования дежбома оный нарушитель ответил начальными нотами из «Богемской рапсодии» и бесчинным воплем: «Мама, у-у-у-у».

Выслушав ходатайство инспектора об отчислении злостного хулигана, ректор распорядился отправить семинариста на курсы звонарей с последующим послушанием в кафедральном соборе.

* * *

Молодой старец пятидесяти лет решил заняться на приходе отчиткой. Поездив по епархиям, понаблюдал за движениями, интонациями и внешним видом экзорцистов. Послушал, что кричат одержимые. Сравнил цены, придумал свою собственную фишку в виде охомячивания беснующихся по голове требным Евангелием в бархатном окладе и приступил с понедельника.

Бесы, правда, новым старцем гнушались и на отчитки не являлись, но это ему не помешало выйти в топ самых популярных экзорцистов России.

* * *

Отец Пью общался с прихожанкой, тяжело переносившей смерть собаки.

– Вы знаете, батюшка, – сказала она, – так-то я понимаю, что убиваться по собаке неправильно, но поделаться с собой ничего не могу. Мне даже мысль пришла в голову, что рай без моего Шарика мне не принесёт полной радости.

– Вы так к нему привязались? – спросил священник.

– Ох, очень, – понурилась женщина.

– Ну что же, – ответил отец Пью, – в таком случае предлагаю вам приложить все усилия к возрастанию в любви. Да так, чтобы войти в Царство Истины, как в родной дом... А потом знаете что? – перешёл пастырь на шёпот.

– Что? – шёпотом спросила прихожанка.

– Потом скажите: «Шарик, ко мне!»

Женщина долго смотрела на священника, но он так и не улыбнулся.

70

– А почему вы уверены, что это сработает? – наконец спросила она.

– Дорогая моя, а кто ж вам запретит? Вы наследница Вселенной. Вы для Шарика бог. Позовите его, и он вас не сможет послушаться. Вернее, не захочет.

* * *

Архиерей не разрешил отцу Тигрию постригаться в схиму. Вместо этого он отправил его на очень умную конференцию, как кандидата филологических наук.

Игумен, трижды прокляв свою учёную степень, теперь скучал и размышлял: не отказаться ли от софринских свечей? Или от свечей вообще в принципе. А то эта копоть по всему храму...

Размышления прервал сосед, также скучающий:

– А вот что самое трудное в вашей работе, коллега?

Не дав отцу Тигрию опомниться, он раздражился предположениями, из которых следовало, что тяжело хранить тайну исповеди, помнить все молитвы, обманывать людей, не обворовывать церковную казну.

– А секс-то, секс! – заговорщически подмигнул сосед-филолог. – Тяжело, поди, без секса, когда вокруг столько красивых девушек, а? Или всё же мальчиков?

Внутренне выйдя из себя, игумен спокойно сказал:

– Самое трудное – не подать виду, что умеешь виртуозно материться, когда тебя к этому всячески принуждают.

Сосед хмыкнул и оставшееся время сидел молча.

* * *

Отец Пью снова был послан заседать и противодействовать экстремизму. И снова оказался в эпицентре.

– Церковь усиленно проталкивает упоминание Бога в нашу конституцию, – недовольно сказала одна немолодая чиновница. – Вы хоть там у себя понимаете, какие последствия это может вызвать?

– С трудом, – признался священник.

– Вот и я так думаю, – фыркнула дама.

– У меня по этому поводу есть мысли, – добавил отец Пью. – Во-первых, необходимо проследить, чтобы туда не попало упоминание о Кришне, не то мы все непременно станем кришнаитами, а во-вторых, нужно обязательно упомянуть в конституции про деньги, чтобы они появи-

лись у всех и нам не приходилось больше держаться. Но главное...

Тут протопоп обвёл всех горящим взглядом.

– Главное – не подпускайте к нашей конституции Лукьяненко, а то он со своим мелом судьбы там такое понапишет, что мы своих не узнаем!

* * *

Отцу Тигрию позвонили из областной администрации и сообщили о предстоящем визите Греты Тунберг в монастырь.

– Всё утверждено Москвой, мы сейчас согласовываем маршрут и приблизительное время...

– Так ведь у нас же тут это... корововирус в обители, – перебил игумен звонившую.

– Что? Коронавирус? У вас? – удивилась чиновница.

Отец Тигрий кашлянул в телефон.

– Так, мы тогда вас исключаем из программы, – сказали в трубке и отключились.

– Отче, а что за вирус у нас? – удивился экононом, почесав бороду.

– Да Зорька наша что-то вялая была с утра. Скажи отцу Платону, пусть покропит её святой водой на всякий случай, мало ли.

* * *

71
Одному семинаристу преподаватель гомилетики велел на Сретение явиться в храм, где он служил, чтобы принять проповедь в качестве экзамена.

Студент писал всю ночь. Но когда он, выйдя на амвон, вместо знакомых физиономий ухмыляющихся семинаристов увидел незнакомые лица доброй сотни прихожан, то совершенно забыл всё, что собирался сказать.

– Братья и сестры! – сказал он и ясно прочитал в глазах людей немой вопрос: «Ты, мальчик, кто вообще?»

– Сегодня, то есть нет, две тысячи лет тому назад состоялась встреча...

Тут третьекурсник запнулся, потому что увидел, что клирос в полном составе куда-то удалился, а бабушки, что стояли позади, как по команде полезли в свои пакеты и стали чем-то сосредоточенно шуршать.

«А ведь препод предупреждал, что так будет», – подумал будущий пастырь и понял, что сейчас завалит экзамен.

– Ветхий Завет! – громко выпалил он, да так, что бабушки перестали шуршать и испуганно посмотрели на него, а регентша даже выглянула из-за стены.

– С Новым Заветом встречается Ветхий! А кто из вас читал Ветхий Завет целиком? – вопрошал проповедник и сделал паузу, оглядывая каждого прихожанина.

Все молчали, пребывая в недоумении.

– Что? Никто? Тогда что мы сегодня празднуем? Сретение – это встреча. Симеон читал Ветхий Завет, между прочим! Вот он и встретил Христа. А если в нас самих этой встречи двух Заветов не будет, то и праздника тоже не будет! Маранафа, то есть аминь! – сказал семинарист и зашёл в алтарь с красным лицом, ни на кого не глядя.

Между прочим, получил пятёрку.

* * *

– Что этот Кураев себе позволяет? Да кто он такой, чтобы судить? Пролез в протодьяконы, так сиди и радуйся! – возмущался с утра пожилой пономарь, недавно освоивший мобильный интернет.

Из алтаря выглянул испуганный протодьякон, вник в суть, усмехнулся и удалился обратно. Отец ключарь сокрушённо покивал головой, мол, да, вот так бывает.

Пришедший требничать отец Пью поинтересовался, в чём дело, и заглянул в телефон возмущённого алтарника.

– Так это не Кураева строки, – сказал протопоп.

– А чьи же? – недоверчиво спросил пономарь.

– Это Григорий Богослов, – был ответ.

– Так а как же...

Не найдя, что добавить, несчастный интернет-сёрфер подумал с минуту, затем демонстративно сломал свой смартфон и выбросил в мусорку с мрачным видом.

* * *

Один поп знал всё на свете. Ну просто вообще всё и обо всём. А Господь велел не скрывать талантов, но умножать, умножая. Поскольку знать больше, чем всё, невозможно, поп попросту делился своими знаниями с окружающими, причём даже не требуя взамен человеческой славы, почёта и уважения.

Случилось как-то раз тому попу сесть во время епархиального собрания на галёрке рядом с игуменом Тигрием. Тотчас сердце имущего талант вспылало жалостью к монаху, и он стал рассказывать ему о тонкостях ухода за крупным рогатым скотом. Затем прочитал отцу Тигрию краткий вводный курс по истории византийского,

русского и западного монашества, переключившись на советы, как правильно отсыпать гравий и разбивать клумбы, потом коснулся темы нетварного света и умной молитвы и сам не заметил, когда от критики старомосковского диалекта перешёл на рассуждения о связи русского слова «дождь» с английским «dust».

К своему ужасу, талантливый поп увидел, что отец Тигрий закатил глаза и вращает головой, словно находится на сеансе Кашпировского. Попытка привести игумена в чувство была встречена угрожающим рычанием.

Сердце попа смутилось, и он потихоньку отсел в сторону да и вовсе вышел с собрания, чтобы пройтись по епархиальным отделам в поисках слушателей.

* * *

На паре семинаристы, пока преподаватель запаздывал, обсуждали скандал вокруг статуса женщины в безбрачном сожителстве. В основном все высказывались против сравнения с проституцией, поскольку пониженная социальная ответственность не предполагает воспитания детей, варения борщей и стирки носков.

Единогласно клеймо проституции было наложено на современное состояние журналистики, поскольку в аудитории не было ни одного представителя этой уважаемой профессии, чтобы высказать противные аргументы.

Конец спорам положил появившийся преподаватель, высказав идею скрытой проституции в жаргонном слове «давать», употребляющемся при описании интимных отношений. Причём ему даже удалось расширить понятие проституции одним-единственным анекдотом.

В нём Ленин с броневика призывает слушателей разделиться: кто за конституцию – налево, кто за проституцию – направо. Заметив, что Дзержинский мечется, желая и того и другого, приглашает его к себе на броневилок.

Удовлетворённые, семинаристы оставили прения и приступили к граниту богословских наук.

* * *

Прошёл слух, что какие-то раскольники были вызваны на архиерейский собор для вразумления, а они возьми да и нахами всем преосвященным вкуче с предстоятелем. И ладно бы хоть сами были из администрации президента, а то рыбаки какие-то.

Потом выяснилось, что в некоем храме кто-то читал «Деяния апостолов» на русском языке

о допросе апостолов на Синаедрионе, отсюда и недопонимания.

После долгих возмущений все решили, что таких экспериментов лучше не ставить.

* * *

Ученики спросили учителя, почему он называет притчу о блудном сыне страшной?

Учитель отвечал:

– Потому что люди не замечают, насколько ужасным было состояние сердца второго блудного сына. Больше всего на свете он боялся возвращения младшего брата. Потому, узнав о пире, он не вошёл, что было бы естественным, а стал расспрашивать, что послужило его причиной. Думаю, что старший брат так и погиб душой. Не погибнуть бы и нам.

* * *

Монахи после долгих прений решили потребовать у своего настоятеля ответа по поводу Константинополя.

Отец Тигрий, удивившись, в ответ поинтересовался, какое отношение к их монашескому деланию имеет внешняя политика и чьи-то грехи.

– Вас кто-то принуждает к пьянке, наркотикам и блуду? Кто-то заставляет вас отслужить чёрную мессу или верить в Ахуру Мазду? Или, может быть, принять Филиокве? У вас украли детство, догматику и святых отцов? Христос покинул ад и предоставил грешников самим себе? Изменилась гравитация и вам приходится ходить по потолку кельи?

Игумен оглядел озадаченных монахов и махнул рукой.

– Нам пора на службу, после которой я расскажу вам, как Сурожский митрополит Антоний беседовал с мышью. По-моему, это будет намного полезнее для всех нас.

* * *

На собрании благочиния обсуждали вопрос сошествия Христа в преисподнюю земли. Благочинный стоял на позиции, что Христос сходит в ад каждую Великую Субботу. С ним спорили пятеро настоятелей, приводя авторитетные мнения в защиту того, что Богочеловек проповедует там вневременно. Большинство клири-

ков слушали доводы обеих сторон и не решались встревать.

Два штатных попа не слушали никого, будучи увлечены рассуждениями о формулировках вопросов змия к Еве и о том, кто дал название злополучному дереву.

Дьякон Дионисий робко возразил спорщикам, что Христос сходил в ад единожды. Дьякон был поднят на смех даже певчей, копировавшей партитуры в дальнем углу.

Тут отец Пью проснулся от звука будильника и загрустил, поскольку знал, что настоящей повесткой предстоящего собрания будет повышение налогов.

* * *

На территорию семинарии зашёл выпивший дядька лет пятидесяти и, увидев третьекурсника Фёдора, принял его за священника из-за подрясника и важного вида.

– Святой отец, что мне делать, чтобы достичь небытия после смерти? – спросил он.

Давно переставший чему-либо удивляться, Фёдор присел на скамейку и жестом предложил сесть дядьке.

– А вам оно зачем?

– Понимаете, всё дело в депутатах, – отвечал тот, присаживаясь рядом.

– Конечно, – кивнул семинарист, – а как иначе?

– Если я спасусь, а вдруг там будут депутаты? Бог ведь может их простить по милости. А если погибну, там тоже могут быть депутаты, ведь Господь справедлив. Оба варианта меня удручают, вот я и пришёл к вам за советом.

– Они вам противны? – догадался юноша.

– Не то слово, – признался взыскующий нирваны.

– Видите ли, уважаемый, – ответил Фёдор, – небытия даже Будда не сподобился, но есть альтернатива. Станьте депутатом, и это изменит вас навсегда.

– Полегчает? – с надеждой спросил дядька.

– Отпустит, – пообещал семинарист, благословил собеседника и уплыл в свои покои.

Окончание следует

